

ПЕРВЫЙ РОМАН
ЖАСМИН

«ЗАЛОЖНИЦА»

От удара падаю навзничь.

Комната переворачивается. Я слышу странный звук, как будто в голове лопнула туго натянутая струна.

«Встань, сука, встань!» — гремит кто-то невидимый.

Боли не чувствую, почему-то вообще ничего не чувствую, хотя глаза открыты и я вижу в окне темнеющее вечернее небо и голые ветки, складывающиеся в затейливый узор. Мне кажется: если взглядеться в этот узор, я что-то пойму... Но грубый мужской голос не дает этого сделать: «Я же сказал тебе, встань! Хуже будет!» И я, опираясь на руки, встаю. Сначала на колени, потом на дрожащие ноги, стараясь не

смотреть туда, откуда летит злобная ругань:

— Тварь! Падаль! Мразь!

Я боюсь этого голоса. От его звуков душу пронзает леденящий ужас.

Сердце заходится в сумасшедшем беге, я задыхаюсь, но пытаюсь понять, кто Он? Не помню лица. Только страшный голос:

— Я убью тебя! Бывает неожиданная смерть. Всякий может умереть внезапно, даже молодая женщина! Осту-

пилась, упала и сломала шею. А?! Бывает. Или осталась калекой! Калекой даже лучше. Сломаю тебе хребет, и будешь жить в инвалидном кресле! В моей власти! Только попробуй бежать — и клянусь, я сделаю это!

Мое тело покрывается холодным потом. «Он это сделает!» — стучит в висках. То, что это правда, я ни на минуту не сомневаюсь. Мне не спастись. Я слышу, как он запирает дверь. Не убежать, не вырваться...

Но ведь я лежу не на полу, а в кровати. Вокруг только светлые пустые стены. Я убежала? Или нет? И где Он теперь?

Электрический шар под потолком резко вспыхивает. Я зажмуриваюсь. Слышу чьи-то шаги. Он?! Пальцы рук холодят и начинают дрожать, я изо всех сил стараюсь задержать дыхание. Пусть думает, что я еще без сознания. Повисает тишина. Чуть-чуть приоткрываю веки. Надо мной

исчезают в ее больших и теплых ладонях. Я смеюсь задорно и весело.

— Ай! — восклицает тетя. — Ты испачкала мне платье!

И действительно, черный шелк принужден белой мукой, осыпавшейся с моих рук, — мы с бабушкой печем пирожки.

Я бегу назад на кухню, где бабушка уже высаживает их на противень.

— Бабушка, приехала тетя! — кричу я звенящим от ра-

поверх всех остальных, как украшение. Его, конечно, никто не ест, но каждый считает своим долгом похвалить:

— Это наша девочка испекла? Ай, умница! Ай, молодец! Какая хозяйка будет!

Я краснею и фыркаю:

— Он маленький и невкусный.

Наверняка так и есть. Бабушкины все красивые и смазаны яичным соусом, а мой...

Мама нежно гладит меня по голове:

Я убью тебя! Бывает неожиданная смерть. Оступилась, упала и сломала шею. Или осталась калекой. Калекой даже лучше

кто-то склоняется. Это женщина. У нее доброе лицо. И вдруг вспышка озарения — я ее знаю!

— Тетя! — говорю я, стараясь услышать свой голос, но ничего не слышу. — Тетя! — снова напрягаю связки и чувствую пронзительную, отзвучивающую во всем теле боль.

— Деточка! — мне на лицо капают горячие слезы. — Очнулась, моя девочка.

Она берет мои холодные руки в свои теплые и сухие, и я проваливаюсь в гулкую пустоту.

...Ну, конечно, я дома. В родном южном городе. Тетя, маминна сестра, пришла в гости.

— Здравствуй, моя девочка, здравствуй, моя хозяйшечка! — она берет мои маленькие ручки, и они полностью

достигают голосом и хватая оставленный для меня кусочек теста, леплю из него довольно страшненькую закорючку.

— Как у тебя сегодня здорово получилось, — с серьезным видом хвалит бабушка. — Вот это ты и будешь есть.

— Это?! Ни за что!

И я несусь со всех ног в сад искать защиты у мамы. Нахожу ее на скамейке под грецким орехом, где она в холодке чистит фасоль. Налетаю на нее и начинаю обнимать и целовать:

— Мамочка, какая ты мягенькая! Как бабушкины пирожки!

— Господи, когда я уже найду тебе толстенького мужа, чтобы ты его тискала, а не меня! — смеется мама.

Все собираются за столом — мама, папа, бабушка, моя сестра и тетя. Мой пирожок лежит

— Это ничего. Ты вырастешь большая, красивая. И пироги твои будут большие, вкусные и красивые.

— Мама... Где мама? — шепчу я.

— Что ты, девочка, — снова начинает плакать тетя. — Мама умерла. Мама давно умерла.

Темнота сгущается вокруг меня.

Мне недавно исполнилось восемнадцать. Я иду к маме в комнату. Открываю дверь. Темно, занавешены окна. Она полусидит в кровати с открытыми глазами.

— Мамочка, — окликаю я тихонько. — У тебя очень болит голова? Может быть, что-нибудь принести?

Она молчит и не шевелится. Я не могу понять, слышит она меня или нет. На цыпоч-

ках приближаюсь к кровати. Шаг, еще шаг. Босые ноги неслышно ступают по вязаному ковру.

— Мамочка! — снова зову я.

Мама неподвижна. Мне кажется, она не дышит. Я в ужасе замираю. Но дотрагиваюсь до руки, чувствую тепло и начинаю ее целовать. Жива! Жива! У нее неизлечимая болезнь, ей очень боль-

но, а я ничем не могу помочь! Мне тоже больно — за нее, за себя, за всех нас.

— Не надо меня обнимать, — слышу я тихий, как шелест, но такой родной голос, — я ухожу от вас.

Я начинаю дрожать.

— Бабушка! Бабулечка! — кричу, скатываясь вниз по лестнице. — Мама! Мама!..

Бабушка выбегает из кухни

и увидев мое перекошенное, залитое слезами лицо, начинает выть в голос и рвать на себе волосы. Так некоторые женщины реагируют на трагические моменты в жизни — колотятся головой о стену, избивают себя... Своеобразная, наследуемая из поколения в поколение потребность излить накопившиеся страдания... Я снова пугаюсь, забива-

Жасминовые кусты росли когда-то и в саду будущей певицы

юсь под лестницу и закрываю голову руками.

— Девочка моя, как ты себя чувствуешь? — голос тети возвращает меня обратно. — Тебе лучше?

— Где я?

— В больнице, дорогая.

— Что со мной? Я больна?

— Ты так нас напугала, — она легонько поглаживает мою руку. — Потеряла

— А ты красивая! — говорит она, разглядывая меня. — Повезло твоему мужу.

— Он так не считает, — вырывается у меня против воли.

— Глупая! — смеется Лиза. — Ты не просто красивая, ты яркая, а это такая редкость. Неужели муж этого тебе не говорил?

— Нет, — коротко отвечаю я. Мне не хочется продолжать этот неприятный разговор.

Я молчу. Это даже не приходило мне в голову.

— Меня не так воспринимали, — шепчу я, натягивая на плечи легкий шелковый халат. — И я люблю своего мужа...

...Да, я люблю его. И сегодня вышла за него замуж. Я стою у окна и смотрю в темноту. Оттуда, с той стороны стекла, на меня смотрит девушка в белом платье, с бледным лицом и ог-

Я в испуге отпрянула: «До свадьбы нельзя!» Но он снова притянул меня к себе и упрямо сдвинул брови: «Все равно теперь ты уже моя»

сознание. Целые сутки не приходила в себя.

— Всего сутки? — я ничего не помню. Где я была? Что вообще со мной случилось?

— Все волнуются, спрашивают про тебя, — это снова тетя. — Там Лиза пришла. Хочет с тобой поговорить.

Я непонимающе смотрю на нее: Лиза? Кто это?

— Лиза — твоя подруга, солистка группы «Двое», — в ее голосе слышится тревога.

— Лиза — моя подруга, — повторяю я, напрягая память. Но вспомнить не могу.

К постели подходит девушка. Тетя придвигает ей стул, она садится и берет меня за руку. Я вижу, что она расстроена, хочет что-то сказать, но почему-то молчит.

Лиза. Лиза. Я ее помню...

Лиза сидит в кресле гостиничного номера, а я переодеться.

— Почему? — искренне удивляется Лиза.

— Он... он просто такой человек... не ласковый.

— Как же ты живешь без любви?

— Почему без любви? Я люблю своего мужа. Очень сильно люблю.

— Здесь что-то не так... Бывает, что он жестоко с тобой обращается? Поступает вопреки твоим желаниям? — вдруг начинает допытываться Лиза.

Я молчу.

— Значит, угадала... Поверь, ничего хорошего из этого не выйдет. По своему опыту знаю. Тут и тянуть нечего — надо от него уходить.

— Он мой муж. Да и куда мне идти? — недоумеваю я.

— Как ты можешь так жить?! — с изумлением смотрит на меня Лиза. — У тебя образование, будешь работать и ни от кого не зависеть. Снимать квартиру, в конце концов!

ромными испуганными глазами. За дверями шумят гости, а я жду своего мужа, и мне очень страшно. Я замечаю, что постель приготовлена не на кровати, а почему-то на полу, и от этого мне еще страшнее.

Дверь открывается, шум дома, полного гостей, врывается в спальню и тут же затихает. Я стою не оборачиваясь. Будто окаменела. Слышу его шаги все ближе и ближе, начинаю дрожать. Он подходит ко мне вплотную, прижимается всем телом и обнимает. Я чувствую его горячее дыхание, пахнущее вином и какой-то пряностью. Почему-то мне очень важно понять, какой именно. Пытаюсь определить и не могу. Меня начинает колотить крупная дрожь.

Он шепчет на ухо: «Разденься, дорогая». Путаюсь в петлях, неуверенными пальцами расстегиваю свадебное платье, снимаю и держу в руках, не

зная куда положить. Он берет его у меня и бросает на пол: «Раздевайся». Я снимаю колготки и белые туфли.

Встаю босыми ногами на пол. Он холодный. В комнате горит только ночник. В полумраке я не вижу его лица. Он представляется мне очень красивым, большим и... совершенно чужим. «Ну же, дорогая! Раздевайся», — уже нетерпеливо в третий раз говорит он. Я опускаюсь коленями на постель, быстро снимаю комбинацию и прячусь под одеяло. Там, под одеялом, снимаю все остальное.

Он к этому моменту уже

бы впустить побольше воздуха, но вместо него внутрь врывается огромный горячий язык и заполняет собой все. Я резко отдергиваю голову и, освободив рот, накрепко сжимаю зубы.

Он бормочет:

— Успокойся... Все будет хорошо...

Я кричу:

— Нет! Нет! Я не хочу! Я не хочу сейчас!

Но он не слушает, причиняя мне все новую и новую боль. Кажется, это никогда не кончится. Я хриплю, теряя сознание. Он в последний раз резко прижимает меня к полу и от-

— И так будет всю мою жизнь?

Я дрожу не переставая, кусаю губы, задыхаюсь. У меня начинается истерика...

— Лиза, позови врача! — кричит тетя, хватая меня за холодные трясущиеся руки. Вокруг начинают бегать люди. Внезапно все исчезают, и я вижу только испуганные лица тети и Лизы.

— За что, за что ей такие мучения? — всхлипывает тетя, комкая в руках белый платок.

— Зато она стала звездой, — с горечью говорит Лиза.

И тут яркой вспышкой при-

«Что ты здесь выпендриваешься, да кто ты вообще такой?!» — крикнул Вадим моему отцу. Он прямо дышал злобой и ненавистью

раздет, но я боюсь смотреть в его сторону. Он отбрасывает одеяло, и я плотно закрываю глаза.

Ничего не вижу. Только чувствую тяжесть его тела и мужскую силу, от которой нет спасения. Я оказываюсь словно зажатой в тиски, мне не хватает воздуха, хочу вдохнуть — раз, другой, — и вдруг чувствую резкую ослепляющую боль. Я кричу, пытаюсь вырваться, начинаю плакать, а он, не остановившись ни на секунду, врзается в меня снова и снова. От бессилия я затихаю. Чудовищная тяжесть не дает пошевелиться. Красные круги плывут под плотно закрытыми веками. Я широко, как рыба, открываю рот, что-

пускает. Я вижу, как он натягивает рубашку, брюки и медленно выходит из комнаты.

Я лежу на полу, еле живая, растерзанная, измученная болью. От холода меня снова начинает трясти, но нет сил даже протянуть руку за одеялом.

Дверь в спальню приоткрывается, мелькает узкая полоска света. Заходит сестра мамы, видит меня и начинает плакать:

— Господи, девочка, что же он с тобой сделал?

У меня нет сил ответить. Горячие слезы чертят полосы на щеках, скатываясь на постель.

Тетя гладит меня по волосам, целует в мокрые щеки и, едва сдерживая рыдания, укутывает одеялом.

ходит озарение. Я знаю, кто я! Я — певица! Я — Арабелла!

Словно маленькая девочка, я сижу на стуле, засунув руки под себя, и не поднимаю глаз. Смотрю на него украдкой. Он совсем не старый, хотя и на много лет меня старше. Симпатичный. В костюме, при галстуке. Меня приковывают к себе его руки. Белые, ухоженные, но при этом сильные, с крупными пальцами, очень мужские. На кисти возле манжеты белоснежной рубашки видны волосы. Руки мне кажутся удивительно красивыми.

— Ты меня стесняешься? — спрашивает он.

— Нет! — вспыхиваю я и тут же, пытаюсь справиться с

неловкостью, задаю первый пришедший в голову вопрос: «Где вы работаете?» Он смеется и говорит, что не по специальности, указанной в дипломе. Я сказала глупость, но почувствовала, что он не сердится.

— А для женщины главное быть такой милой, как ты.

Я с трудом скрываю улыбку. Он мне нравится.

Из-за шторы выглянула бабушка, и я, заметив ее взгляд, выпрямилась, вытщила руки и положила их на стол. И тут

же засмуцалась — красные, мятые, они неважно смотрелись на белой скатерти. «Красные красивые у тебя руки», — он провел по ним пальцами, и по мне словно пробежала электрическая искра. Я тут же спрятала руки обратно.

Это был второй визит Вадима в наш дом. А в первый раз он пришел тайно, чтобы меня увидеть, и тем самым обманул мою родню. Это было предупреждение об опасности, несходившей от этого человека, но

никто из нас его не заметил. В то время к нам каждый день кто-нибудь приходил — родственники, соседи, знакомые и малознакомые люди. Они переступали порог, чтобы выразить соболезнования по поводу смерти моей матери, поддержать семью в трудную минуту. Стол всегда был накрыт, и за ним постоянно кто-то пил чай. Вадим пришел в компании приятелей отца, которые представили его как человека, намеревающегося

Жасмин среди друзей и коллег на своем сольном концерте: с Игорем Николаевым, Филиппом Киркоровым и Дмитрием Дюжевым

купить у нас старинные блюда. Мы ничего такого не продавали и не собирались. «Какие блюда?! — недоумевал отец. — Ну, есть у нас старинные блюда, но я же ничего не продаю! Однако выяснять что к чему было некогда. Да и ситуация не позволяла. Пришел человек, и ладно. Вадиму предложили чай, и он не отказался, нарушив святую традицию. Мужчина, который приходит в дом

посмотреть на невесту, должен отказаться от чая и тем самым дать понять девушке и ее родственникам истинную причину своего появления. Но Вадим схитрил. Выяснила я это уже потом, после нашей свадьбы. Он недоумевал, почему я не запомнила его с первого раза. Говорил, что улыбнулась ему, когда он уходил. Может быть. Я со всеми была приветливой, только потенциальным жени-

хам, ищущим встречи непосредственно со мной, жестко отказывала.

О сватовстве в наших местах договариваются только с родителями. Занимаются этим свахи. Информация о том, в каких семьях есть невесты, а в каких — женихи, передается из уст в уста. И если мужчина решает обзавестись семьей, ему достаточно сообщить о своем намерении свахе или хотя бы знакомым. И тотчас со всех сторон жениху начинают предлагать невест, описывать их достоинства, присылать фотографии. То же самое происходит и с девушками на выданье, когда им от восемнадцати до двадцати пяти лет. Если в этот период они не вышли замуж, позже это сделать гораздо сложнее.

У меня женихов всегда было много. Я училась в колледже, и бывало, настойчивые молодые люди вызывали меня с занятий, чтобы «поговорить». Но я воспитана была строго, при том что в доме царили полная идиллия и любовь. С раннего детства нашей с сестрой обязанностью было убирать дом, мыть посуду, гладить на всю семью. И это помимо уроков. Девочка все должна уметь. В том числе правильно вести себя с мужчинами. Я терпеливо объясняла молодым людям: «Разве вы не знаете, что так не принято? Вы сами прекрасно знаете, как нужно поступать». К тому же, когда мама умерла, я в течение года не хотела даже думать о замужестве.

Но примерно через два месяца после ее смерти меня вдруг позвала к себе бабушка. От отца она узнала, что один серьезный человек сильно влюбился в меня и хочет со мной познакомиться. Сама бабушка была его кандидатурой недовольна — Вадим был разведен, к тому же оставил жену с детьми. Но мужчина в наших краях, будь он разведенный, с кучей детей, все равно бог и царь. У многих считается хорошо родить девочку, потому что она останется рядом с родителями, поддержит в старости. А сын — отрезанный ломоть, женится — только его и видели. В наших местах все наоборот. Дочь уходит от отца с матерью, и они могут о ней больше никогда не слышать. А сын обязан поддерживать их до конца жизни. В этом смысле наших мужчин есть за что уважать. Но в то же время вместе с обязанностью

только на ней». Так они говорили. Однажды отец усадил меня за стол и сказал о своем намерении выдать меня замуж — Вадим казался ему серьезным человеком, которому можно доверить дочь. Я не хотела выходить за такого зрелого мужчину, разница в возрасте и женитьба пугали. Вспомнился жених, которого папа отверг. Он мне очень понравился — молодой, симпатичный, искренний. Но отец сказал, что я с ним наплачусь, потому что он не пропустит ни одной юбки. Тогда я взяла себя в руки и про того парня забыла, хотя чувства к нему были. Иногда я думаю, что он был моей первой любовью...

Решение отца было непререкаемым, хотя его мать, моя бабушка, имела другое мнение по этому вопросу. Мне при встрече Вадим тоже очень понравился, и спустя два месяца я дала согласие на

природы волосы в красную прическу.

Вторым провожатым оказалась девушка из модельного бизнеса. Сейчас я понимаю, что и она, и стилист не были друзьями Вадима. Он пригласил их с вполне определенной целью: рассмотреть невесту во всех подробностях и рассказать будущему мужу о моих физических достоинствах, недостатках и способках их устранения. Стилист, как я потом узнала, похвалил мои волосы, сказав, что при желании их можно будет выпрямить. Бывшей модели возможность во всех подробностях разглядеть мою фигуру предоставилась во время примерки привезенных Вадимом нарядов. Чего только не было в этих чемоданах! И платья, и костюмы, и туфли, и нижнее белье. Все это были вещи известных мировых марок — «Шанель», «Дольче и Габбана», «Эскада»... Выби-

Вся эта страшная сцена как будто исчезла. Душа пела: люблю его! Я перецеловала все цветы так нежно, как будто целовала своего жениха

заботиться о родителях они взяли себе много других прав. Для женщины они — бесспорно главные и непререкаемые авторитеты. Как мужчина сказал, так и должно быть.

Спустя какое-то время нашим осадили сваты. Все они приходили замолвить за жениха словечко. «Он такой хороший, богатый, рассудительный, к тому же очень любит нашу дочку и хочет жениться

брак. Окрыленная сваха началась сообщать радостную весть «клиенту», и вскоре в город приехал Вадим с двумя чемоданами вещей для меня в сопровождении московских друзей. По традиции жених должен с ног до головы одеть невесту еще до свадьбы. Один из провожатых Вадима оказался стилистом. В день сватовства он сделал мне макияж и уложил мои выющиеся от

рала их для меня и покупала знакомая Вадима из Франции. Эта русская девушка обладала безупречным вкусом и превосходно ориентировалась в мире моды, не пропуская ни одного показа именитых модельеров. Я примеряла обновки, модель мне помогала, а заодно внимательно рассматривала фигуру. «Все хорошо, — сказала она Вадиму, — кое-где, если захотите, можно слегка подкоррек-

тировать». Я никогда не была по-модному худосочной, один знакомый за округлые формы даже прозвал меня Моникой, намекая на Моннику Беллуччи. Удивительно, но почти все вещи оказались втору. Вадим смог на глаз определить мои размеры.

Следующим этапом наших отношений должно было стать сватовство, это что-то вроде помолвки. В назначенный день привезенную Вадимом одежду, а также сла-

шипилке, украшенные стразами! Супер! Класс!» А некоторые названия специально смешно коверкала. «Дольче Кабанов», — выкрикивала она, и все хохотали. Когда первая простыня наполнилась, вынесли вторую. Конферанс сопровождался взрывами веселого смеха... В этот день Вадим надел мне на палец красивое обручальное кольцо.

— Девочка моя, тебе лучше? Ты улыбаешься! — слышу

на талию и развернул к себе лицом. Я даже сначала не поняла — зачем. Думала, он хочет заглянуть мне в глаза и сказать, что любит меня. Я тоже посмотрела ему в глаза. Они были орехового цвета, и в тот момент мне показалось, что они и твердые, как орех в скорлупе.

И тут Вадим попытался меня поцеловать. Я в испуге отпрыгнула, но он снова притянул меня к себе. Тогда я высово-бодилась, сделала несколько

Вадим шепчет на ухо: «Разденься, дорогая». Путаюсь в петлях, расстегиваю свадебное платье. Он берет его и бросает на пол: «Раздевайся!»

дости и драгоценности выложили на большие подносы, и веселая компания сватов в сопровождении музыкантов понесла дары к нашему дому, полному приглашенных по этому случаю друзей и родственников. Процессия неспешно двигалась по улицам города, прохожие кричали приветствия и поздравления, танцевали. Я сама очень любила принимать участие в таких шествиях, мечтала нести поднос со свадебным платьем, но драгоценная ноша всегда доставалась кому-то другому.

Наконец сваты прибыли. Мои родственники вынесли простыню и развернули ее. Главная сваха брала с подносов подарки и, прежде чем бросить их на простыню, как бы рекламировала товар, причем с нарочитой помпезностью: «Туфли от «Шанель» на

я голос тети. Она нежно проводит рукой по моим волосам. Я хочу рассказать ей, что сейчас видела то ли во сне, то ли наяву, но сил не хватает. Вдруг накатывает тревога, и я проваливаюсь в черноту южной ночи.

Спустя неделю после сватовства произошла странная история. Это был второй сигнал опасности. Если бы тогда я прислушалась к голосу судьбы, которая подавала мне знаки, стараясь уберечь от горечи последующей жизни!

Поздним вечером мы прогуливались с Вадимом по набережной. Когда проходили мимо скамейки, на которой сидела черная без единого пятнышка кошка и, не обращая ни на кого внимания, старательно вылизывала лану, он положил мне руку

шагов назад к самому парапету и сказала:

— До свадьбы нельзя!

Кошка перестала умываться, глянула на нас неодобрительно и спрыгнула на землю. А Вадим упрямо сдвинул брови, и губы его сжались и побелели.

Наверное, с полминуты он стоял неподвижно и пристально смотрел мне в глаза. А потом развернулся и в сердцах пнул сидевшую у скамейки кошку. Ее жалостный вопль резанул по сердцу. Я шла рядом с Вадимом, не зная, что говорить и что делать. Тем более что он помрачнел и вообще перестал со мной разговаривать.

Когда мы почти подошли к дому, он вдруг спросил:

— Я тебе не нравлюсь?

— С чего ты взял? — испугалась я.

— Я хотел тебя поцеловать. Ты моя невеста.

— Я не разрешила себя поцеловать не потому, что ты мне не нравишься, а потому, что еще не готова к близким отношениям, — старательно скрывая смущение, я прятала за волосами пылающие щеки. — Пойми, я впервые так долго наедине с мужчиной.

Он не смотрел на меня. И было непонятно — слышит он или нет. Я уже собралась войти в дом, как вдруг Вадим сказал неожиданно громко и внятно, не поворачивая ко мне головы:

— Все равно теперь ты уже моя.

Как будто прорвалась плотина, воспоминания накаты-

отделку нашего пентхауса в центре Москвы. А знаешь, сколько там метров? Триста! Тебе такое и не снилось!

Вадим был настоящим перфекционистом. Все у него в настоящем и будущем было разложено по полочкам, запланировано с арифметической точностью. Он был не против ребенка, но попозже. Пока же собирался ездить с молодой женой по загранице, хотел мне показать города, музеев мира, лучшие магазины. В Москве у Вадима сеть кофеен «Бразилия». Мы станем привозить рецепты лучших десертов, которые доведется отдавать в поездках, часто говорил Вадим. Помимо этого бизнеса он занимался чем-то другим, но чем конкретно, я не знала...

только когда уже стала его женой.

Если ему надо было показать, что он во всех отношениях благополучный человек, Вадим со слезами на глазах вспоминал дружных братьев и сестер, обожавших папу и маму: «Не было бы их, не было бы и нас». В общем, рос он в раю. Через какое-то время история семьи переназначивалась. Рай превращался в ад. Мать, оказывается, за ним не смотрела, свое детство он провел в обществе няни. Причем жил у нее же, отдельно от родителей. Вадим был последним, пятым ребенком в семье, и на его воспитание у родителей якобы не хватило сил. Старшие братья и сестры над ним

Я вижу, как он натягивает рубашку, брюки и медленно выходит из комнаты. Я лежу на полу, еле живая, растерзанная, измученная болью

вают волна за волной. Я чувствую присутствие тети. Это успокаивает и помогает вспоминать. Хорошо, что я теперь не одна...

Мы часто встречались с Вадимом и говорили о предстоящей свадьбе, о том, как счастливо и прекрасно будем жить вместе. Он хотел, чтобы все произошло как можно скорее.

— Ты приедешь ко мне в Москву, будешь хозяйкой дома. Строители под руководством американского дизайнера уже заканчивают

Приезжала я к нему в Москву с папой, жили мы у дяди. Вадим показывал город, который я видела всего один раз в двенадцать лет и, конечно, ничего не запомнила. Ходили гулять на Красную площадь, Поклонную гору. Все очень чинно, никаких увеселительных заведений — дискотек, клубов, казино. Хотя, как потом выяснилось, мой будущий муж был известным тусовщиком.

О своей семье Вадим рассказывал одни и те же истории, но всегда в разной интерпретации. Это я поняла,

издевались. Но несмотря на трудное детство, он выбился в люди, стал крутым.

Много позже я узнала, что Вадим вырос в одной из самых богатых в их районе семей. Все дети получили наследство. Думаю, доставшиеся от родителей деньги и легли в основу его бизнеса. За десять лет совместной жизни я так и не поняла, где правда, а где ложь в его рассказах. Все мои вопросы о его близких фактически оставались без ответа. «Где твои братья и сестры?» — «Я с ними не встречаюсь и даже не разго-

С Игорем Николаевым Жасмин спела песню «Выпьем за любовь!», ставшую шлягером

вариваю». Для меня это было шоком. Страшно, когда самые родные люди на земле не общаются.

Я открываю глаза. Тетя спит, прислонившись к спинке стула. Устала... Как я могла так долго жить без постоянного общения с ней, отцом, сестрой? Вадим заставил меня сделать это. Зачем только я вышла за него?! А ведь судьба или, может быть, мама с небес подавали мне знаки: смотри, думай! Я часто вижу

маму во сне. Очень красивую, стройную, в нарядном платке. Но она никогда со мной не разговаривает. Ее приводит кто-то из знакомых или я сама иду по родному городу и вдруг узнаю среди прохожих маму, беру ее за руку и веду домой: мама, наконец-то я тебя нашла! В эти моменты я чувствую ее силу, которая передается и мне. Мама незримо помогала чем могла, но как же мне все-таки не хватало ее в моей реальной, кошмарной жизни. И я уверена, если бы

она была со мной, все было бы по-другому...

Третье предупреждение было в Испании, куда незадолго до свадьбы Вадим пригласил папу, меня и сестру. Мы жили в роскошной гостинице. Вадим следил, чтобы в моем номере всегда были свежие цветы. Они отражались в зеркалах, и казалось, что комната утопает в цветах. Причесываясь утром, я видела в глубине серебряного зеркального стекла счастливую зеленоглазую девушку

с пушистыми ярко-рыжими волосами. На столе стояли то каллы, то лилии. У зеркала — розы, алые или нежно-розовые. А возле кровати — какие-то неизвестные мне испанские цветочки, похожие на колокольчики, только все разных цветов — от лилового до бледно-бледно-палевого. Рядом с

Отец и хозяйин дома явно растерялись, а я испугалась. Никто не знал — что скажут. В дверях появилась жена хозяйина. Она услышала шум и вышла спросить, что случилось, но не успела. Вадим начал орать:

— Я никому не позволяю себя учить! Я лучше знаю, когда будет моя свадьба! И

в стену. Ваза разбилась, фрукты рассыпались по полу.

Я была в полубессознательном состоянии от ужаса. Помню, папа выкрикнул:

— Все, я свою дочь за тебя замуж не отдаю! Пойдем, — и схватил меня за руку.

И тут я сделала роковую ошибку. Вадим успел так за-

Вадим уже лег, а я старалась как можно дольше задержаться в ванной. Наивно надеялась, что он уснет, так и не дождавшись меня

этими цветами мне снились чудесные, очень яркие и счастливые сны.

Каждый день Вадим водил нас в новый ресторан. И кормили везде замечательно. Даже мой привередливый в еде папа был доволен.

Это случилось в один из дней, когда мы поехали в гости к другу Вадима. О дате свадьбы было договорено еще дома. Папа скрепя сердце дал согласие провести торжество до истечения срока траура. Но в разговоре с другом Вадим сказал, что свадьба состоится на две недели раньше.

— Ты, видимо, ошибся, — заметил отец.

Мы в этот момент сидели на террасе и пили кофе. В ответ на замечание Вадим замолчал, и я увидела, что губы его сжались, как тогда на набережной, когда я отказалась от поцелуя. Он поднялся и так резко отодвинул стул, что тот опрокинулся и глухо стукнул о каменный пол.

не буду ждать ни одного дня после объявленного мною срока!

Папа был поражен, но как принципиальный человек, не захотел отступать, продолжал сидеть и казался спокойным. Но голос его по мере развития ситуации становился все громче:

— Я не допущу, чтобы кто-то менял условия договора!

— Это я — кто-то?!

— Свадьба будет как назначено! — отец даже топнул ногой. — И я запрещаю говорить со мной в подобном тоне!

— Что ты здесь вышндриваешься, да кто ты вообще такой?! — крикнул Вадим моему отцу.

Впервые в жизни я видела его в таком взвинченном состоянии. Он прямо дышал злобой и ненавистью, я не узнавала жениха, как будто передо мной был другой человек. Он начал стучать кулаком по столу, потом схватил тяжелую хрустальную вазу, полную фруктов, и с яростью кинул ее

полнить мою жизнь, что несмотря на безобразную сцену, которую он спротоцировал, я была на его стороне.

— Папа, что ты делаешь, зачем? Я никуда не пойду, — ответила я отцу, чем очень его обидела. Вадиму же мой поступок понравился, он понял, что пусть пока только душой, но я уже принадлежу ему и он может мной манипулировать.

Отец уехал в гостиницу с сестрой, а я помогла хозяйке убрать террасу. Потом мы еще долго сидели вчетвером в тишине и пили остывший кофе. Никто ничего не говорил. Первым молчание нарушил Вадим:

— Спасибо, — сказал он как ни в чем не бывало. — Вы очень хорошо живете, и дом у вас прекрасный, но нам пора.

В полумраке такси, когда мы остались вдвоем, я сначала сжалась, ожидая, что он меня обнимет и начнет целовать. Думала, как правильно повести себя. И решила, что сегодня, когда я стала на сторону будущего мужа и вы-

ступила против отца, я поцелую его. Но Вадим сидел неподвижно, не прикасаясь ко мне. Я не могла рассмотреть выражения его лица. Мне казалось, он огорчен и расстроен. И ему стыдно за свою грубость. Я почувствовала нежность и жалость к этому сильному, уверенному в себе мужчине. И сказала себе — я его люблю.

Мы чинно распрощались в коридоре гостиницы. И когда я вошла в свой номер, вся эта страшная сцена как будто исчезла. Моя душа пела: я люблю его! И я перецеловала все цветы в вазах так нежно, как будто целовала своего жениха.

С отцом мы увиделись только в самолете, когда летели домой. Их отношения с Вадимом были испорчены раз и навсегда.

Первые несколько дней после возвращения папа со мной почти не разговаривал, а потом позвал в сад, на любимую мамину скамейку. В сумерках, когда все дела были переделаны и жара спадала, она часто сидела там. Сюда мы с сестрой приходили признаваться в своих проступках и открывать детские тайны. Здесь мы просили прощения и всегда получали его.

И вот на этой скамейке в такой же час уходящего дня отец долго со мной разговаривал. А потом сказал:

— Смотри сама, но мое мнение: замуж за него не выходи.

Сначала эти его слова прозвучали как совет, но потом

отец их повторил как требование.

— Он же монстр, а не человек! Как он с людьми разговаривает! Возмнил о себе невесть что. Верни ему кольцо!

Но я не желала ничего слышать и для себя решила: хочу быть с Вадимом.

Так я пропустила еще одно предупреждение судьбы.

Папа, папочка... Почему же я тебя не послушала, тебя, который просто обожал нас? Как ты не хотел, чтобы мы с сестрой вырастали. Как ревниво относился ко всем же-

никам, которые пытались переступить порог нашего дома. Помню, кричал на очередных визитеров: «Чтоб ноги вашей не было в моем доме, мы дочерей пока замуж не выдаем!» Я чувствую, как обжигают слезы текут по моим щекам. Мне больно вспоминать, но я понимаю, что должна это сделать. Иначе не смогу жить дальше.

У нас было две свадьбы. Первую устраивали для моих родственников. Народу было очень много, наверное, пол-

с мужем так сияет, что я еще не вижу конкретных деталей. И поэтому меня ждет много неожиданных открытий. Я очень счастлива, что у меня такой замечательный муж!»

Все аплодировали и чокались со мной. А Вадим незаметно пожал мне руку. Я действительно ощущала счастье. Если бы я только знала, как была права, пророча себе неожиданные открытия...

Мы стали жить в большой квартире в центре Москвы. Вадим утром уходил на работу, а

только после того, как спросишь у меня разрешения.

Я была поражена. И даже не нашла, что ответить. Конечно, я знала, что после стычки в Испании Вадим с папой буквально возненавидели друг друга, но нельзя же из-за той ссоры и меня заставить изменить отношение к родным.

— Ты должна поступать так, как скажет муж, — потребовал Вадим. И я не посмела возразить.

С детских лет мне внушали: жена должна слушаться мужа, мужчина в доме главный и его

«Так не должно быть. С тобой что-то не так, — взвился он, — ты бракованная. Я поговорю с твоим отцом, пусть забирает тебя!»

торы тысячи человек. Почти весь город!

В нашей семье продолжался траур по маме, поэтому музыки и танцев не было. Зато были именитые гости — известный пародист и театральный режиссер. Мне показалось, что последний — приятель Вадима, но когда мы пересели в Москву, то с ним не встречались и на спектакль возглавляемого им театра ходили всего пару раз.

Вторая свадьба была в Москве. На ней присутствовали серьезные люди, деловые партнеры мужа. Были даже артисты театра и кино. Меня попросили сказать тост. Я настолько нервничала, что почти не помню, что говорила: «Я очень волнуюсь, будто вышла на сцену. Моя новая жизнь

я оставалась одна. Я сильно скучала по дому и часто звонила бабушке и папе. Мне все было интересно — какие новости у соседей, что бабушка готовит на обед и даже какая у них погода.

Однажды днем я разговаривала с бабушкой, и в это время вернулся Вадим. Я не слышала, как он вошел, и очень испугалась, когда чья-то рука через мое плечо нажала на рычаг телефона, прервав разговор. Я вздрогнула и обернулась.

— Почему я тебе не могу дозвониться?!

— Я с бабушкой разговаривала, — пролепетала я в свое оправдание.

— Не хочу, чтобы ты общалась с родными, — зло сказал он. — Звонить им можешь

слово — закон. И в нашей семье папа был непререкаемым авторитетом, окончательное решение всегда оставалось за ним. Мама его очень любила и, как мне кажется, преклонялась перед ним. Когда мы с сестрой о чем-то просили, даже если она была не против, всегда последние ее слова были: «Как отец скажет». И мы с этим соглашались. И не только мы. Так было во всех семьях нашего города. Муж и отец заботился о семье и отвечал за все свои решения. Никто не сомневался, что мужчина — человек более опытный и мудрый — примет лучшее для тебя решение, потому что он тебя любит и желает только добра.

Поэтому и я покорно согласилась делать все так, как скажет муж. Не понимая при-

чии происходящего, сама придумала себе оправдание: если буду все время разговаривать с родными, никогда не

привыкну к новому дому, не научусь жить самостоятельно, а ведь я теперь взрослая, замужняя женщина. Значит,

так надо. И я забыла о звонках домой, обратив все свое внимание на мужа. Ждала его с работы, зажигала ароматические свечи, старалась красиво накрыть стол. К его приходу всякий раз готовила какой-нибудь сюрприз: ягодное желе, мусс или фрукты со сливками. Я действительно была влюблена и хотела сделать ему приятное.

Как-то на завтрак делала сырники. И вспомнила, как еще при жизни мамы мы все вместе завтракали бабушкиными сырниками. Они были такие нежные, прямо таяли во рту. К ним на стол подавали сметану. Сестра однажды все поливала и поливала своей сырник сметаной. Так что папа, за это время съевший их штук пять или шесть, не выдержал и пошутил: «Ты ешь сырник со сметаной или сметану с сырником?» Почему-то тогда это показалось очень смешным. И с тех пор мы всегда просили бабушку: «Приготовь нам сметану с сырниками».

Подавая Вадиму завтрак, я улыбалась. А он ковырнул сырник вилкой и резко отодвинул тарелку так, что вилка отскочила и со звоном упала на пол. «Дрянь!» — мрачно проговорил он. Я замерла на месте, не понимая, о чем это он? Больше муж не сказал ни слова, хлопнул дверью и ушел на работу. Я села за стол и попробовала несчастный сырник. Он был не такой, как у бабушки, но все-таки очень вкусный. И тогда я подумала:

«Он злится не из-за сырника. Просто у нас не складывается... интимная жизнь».

Спустя два дня после первой брачной ночи Вадим снова захотел близости. Я чувствовала себя просто ужасно, и даже думать о его прикосновениях мне было больно. Я просила, умоляла подождать, но все повторилось. Я кричала и плакала, а он брал свое, не слушая меня. Не желая слышать. И снова холод, дрожь, боль, и я, растерзан-

В наш первый вечер в Москве мы приехали из ресторана оба очень усталые. Вадим уже лег, а я старалась как можно дольше задержаться в ванной. Наввно надеялась, что он уснет, не дождавшись меня. Выбрала длинную закрытую ночную рубашку, как будто белый шелк мог послужить мне защитой и спасти от предстоящих мучений.

Когда я на цыпочках вошла в спальню, мне показалось, что Вадим спит. Я неслышно скользнула под одеяло на

Спустя две недели мучений он усадил меня на кухне:

— Если у нас в этом смысле ничего не будет получаться, я верну тебя обратно.

Я остолбенела, слезы брызнули из глаз:

— Почему? За что? — спрашивала я. — Просто мне больно и я не понимаю, что со мной.

— Это неправильно, так не должно быть! — взвился он. — С тобой что-то не так, ты бракованная. Я поговорю с твоим отцом, пусть забирает тебя!

Я была в шоке, думала, человек меня любит, будет на руках носить, а он едва не отправил и меня, и собственного ребенка под нож...

ная и окаменевшая от ужаса, натягиваю на себя одеяло. Но я знала, что так быть не должно. Каждый следующий вечер я ждала, что вот сейчас будет по-другому. Он станет нежным, ласковым, но наступала ночь и сумасшедшая боль лишила меня сознания. Мне казалось, я вижу все со стороны — вот я, зажатая в тиски огромного мужского тела, тихо умираю. Но даже не от боли. От сознания, что это будет теперь со мной всегда. Когда говорила мужу о том, чтобы он на время оставил меня в покое, он обижался, нервничал и злился. В Москве эти муки продолжались.

У нас была большая тридцатиметровая спальня и кровать такой ширины, что я спокойно помещалась на ней поперек.

другой стороне кровати и замерла, боясь дышать. Какое-то время было тихо. И я стала постепенно засыпать. Вдруг сильная рука выдернула меня из сна. Я оказалась на середине огромной кровати. И все началось снова. Кошмар и отчаяние.

Страх первой ночи прочно засел во мне, и перебороть его не получалось. Вадим злился, принуждал к близости, и я пыталась терпеть, потому что боялась его гнева. Думала, что мне надо просто подождать какое-то время и боль пройдет. Но терпеть было невозможно. И в постели я опять начинала кричать, а он иногда останавливался — раздражался и уходил куда-то, а иногда делал свое дело. А я орала, стараясь заглушить собственным криком сумасшедшую боль.

Я чуть не потеряла сознание от страха. У меня даже высохли слезы. Вернет домой! В наших местах это позор. Мой отец — уважаемый человек. Как он перенесет такое? А я? Никто никогда уже не возьмет меня замуж. У меня не будет детей и семьи. Я составлюсь в одиночестве. А за моей спиной станут шушукаться и смеяться... Вернет домой! Страшнее этого ничего нельзя представить! Для женщины у нас — это конец всей жизни.

После этого разговора я перестала кричать, заставила себя терпеть. Но слезы лились без конца. Меня постоянно мучила мысль: зачем выходить замуж, если так мучиться? Это ад, а не жизнь.

Спустя месяц боль ушла, но никакой радости от близости с мужем я никогда не получа-

ла. Впрочем, чем дольше мы жили вместе, тем меньше он мной интересовался. Последние годы эта так называемая близость вообще случалась крайне редко... Ему уже ничего было не надо. Но если вдруг Вадим собирался с силами, а я говорила, что плохо себя чувствую, он жутко раздражался.

Месяца через два после свадьбы я забеременела. Еще невестой я сказала Вадиму, что очень хочу ребенка. «А я не хочу», — ответил он. — Мы должны пока погулять». Но, видимо, Бог услышал мои молитвы. У меня была задержка, я проверила по тесту: так и есть! Прыгала в ванной чуть не до потолка. Это же мечта всей жизни — иметь ребенка!

Не одеваясь, вернулась в спальню и подошла к зеркалу.

тум? Нет-нет, только платье. Костюм — это одежда деловой женщины. В нем присутствуют строгость и официальная замкнутость. А я хочу быть мягкой и открытой. Я выбрала кашемировое платье цвета чайной розы. Тонкая мягкая шерсть приятно облегла тело, подчеркивая каждый изгиб. У меня был гарнитур с топазами, и я надела его. Замшевые туфли. Чуть-чуть любимых Вадимом духов «Герлен». И я готова.

Приехала к Вадиму и заглянула в его кабинет. Он говорил по телефону и передал через помощницу, что у него, мол, важный разговор и чтобы я ждала в коридоре, пока он не закончит. Но я не могла ждать и вошла. Вадим положил трубку, недовольно посмотрев на

эйфории. — Мне казалось, это обрадует тебя». — «Ну, не знаю...» — протянул он, странно и пристально глядя мне в глаза. Я стояла перед его столом, как ученица перед столом директора школы. «Ладно, мы пойдем завтра к врачу», — Вадим помолчал и добавил, — посмотрим, может быть, будешь делать аборт».

Сердце ледяной стрелой пронзил ужас. Я отбежала к двери, как будто меня прямо сейчас собирались везти в больницу:

— Нельзя делать первый аборт! Это опасно. Потом вообще может не быть детей!

— Увидим... — выдавил он. — Езжай домой.

Я пулей выскочила из кабинета. И даже не помню, как ехала обратно.

Он ковырнул сырник вилкой и резко отодвинул тарелку так, что вилка отскочила и со звоном упала на пол. «Дрянь!» — мрачно проговорил муж

Впервые так пристально разглядывала себя всю — с ног до головы. И очень себе нравилась, потому что уже была мамой. Я смотрела на свой живот, гладила его рукой и не могла насмотреться. Мне даже не хотелось одеваться. Но я спешила обрадовать мужа. Сообщить такую новость по телефону мне казалось кошунственным. И я решила поехать к нему на работу. Открыла огромный платяной шкаф, где висели мои наряды. Какое платье выбрать по такому случаю? Может быть, лучше кос-

меня: «Что случилось?» — «Я беременна», — выпалила я. Мне казалось, что от меня по комнате разбегается свет. Топазы сверкают. И сама я — вся сияющая. Ждала, что муж выйдет из-за стола, подхватит меня на руки и закружит. Будет целовать и говорить: «Спасибо! Спасибо! Спасибо!»

Но у него лицо мгновенно побледнело, стало жестоким и недовольным: «Я тебя предупреждал, что не хочу ребенка?» — «Но это же так прекрасно! — я все еще не могла выйти из состояния

На следующий день он вместе со мной отправился в больницу. На УЗИ беременность подтвердилась, срок был довольно большой. «Ну, ладно», — сказал Вадим, выслушав врачей, — хорошо, пусть будет». Вот такое мне сделал одолжение. Я была в шоке, думала, человек меня любит, когда узнает обо всем, будет на руках носить, а он едва не отправил и меня, и собственного ребенка под нож...

У тети зазвонил мобильный телефон.

Жасмин с режиссером клипов Олегом Гусевым и стилистом Александром Шевчуком

— Да... да, — повторила она и закончила разговор.

Я с тревогой посмотрела на нее.

— Няня звонила. Сейчас приведет Сашу.

— Сашу?

У меня же есть сын! Я родила его вопреки желанию мужа. Ему пришлось смириться — это сражение я у Вадима выиграла, но какой ценой...

Пока я ходила беременная, Вадим подобрел. Может, свык-

ся с мыслью, что в очередной раз станет отцом. Токсикоз меня мучил недолго, мы начали ездить за границу. Именно тогда я познакомилась с его детьми от первого брака. Сначала они приняли меня в штюки, но потом мы стали большими друзьями. На тот момент девочке было шесть, а мальчику — восемь лет.

Как-то плыли на пароходе по Дунаю, сидели на палубе за столиком и пили кофе. Я любовалась почти игрушеч-

ными домиками, спускавшими к самой воде, казалось, что в каждом из них люди очень счастливы, как в детских сказках, где все истории с хорошим концом. И настроение у меня было безмятежное.

Ни о чем плохом не думая, я спросила: «Почему твоя жена сама не привезла детей, а прислала их с водителем? Вы же давно не виделись». Вадим ответил неожиданно зло:

— Она — крыса!

Дует Жасмин с Николаем Басковым оказался очень удачным

Я в испуге оглянулась — не слышат ли дети. Но их не было видно.

— Она меня подставила, изменила! — Вадим нервно сжал кулаки.

У меня не было слов. Разве женщина может позволить себе изменить мужу? Проплывающий пейзаж сразу потерял свою прелесть. Теперь мне казалось, что в каждом домике разгневанные мужья с ужасом и отвращением смотрят на своих неверных жен.

— Как это все нехорошо и некрасиво, — сочувствовала я. — А ты ее когда-нибудь люби?

— Нет, у меня не было никакой любви. Я женился назло

родителям. А потом жил с ней из-за детей.

Вот тут я стала сомневаться в искренности его слов, потому что видела, как он встретился с детьми, которых долго не видел. Он не обнял, не поцеловал их, а просто поздоровался, как с чужими. А они, как овечки, сидели перед папой, беспрекословно выполняя все, что он им скажет.

Когда мы с ними подружился, дети рассказали, что из-за любой мелкой шалости семья могла остаться без средств. Вадим их содержал. Бывшая жена ежемесячно отправляла ему подробный список, на что хочет потратить деньги. Он просматри-

вал его и некоторые пункты удалял, мог даже отказаться оплачивать что-то из еды. Если дети, по его мнению, нехорошо себя вели, когда в последний раз навещали папу, вычеркивал из списка какой-нибудь торт или мороженое.

Ребята признались, что их маме очень тяжело с папой, что он жестокий, но никаких конкретных примеров не приводили, боялись, видимо, вдруг отец узнает, что они жалуются. «Ты ведь и сама все знаешь», — говорили они. Если Вадим орал на меня в их присутствии, дети поддерживали меня сочувственными взглядами. Так же поступала и

я, если доставалось им. Шептала: «Держитесь, все будет хорошо».

Но я для себя придумала оправдание: он не любил Марину и не смог полюбить детей от нелюбимой женщины. И жена, раз изменила, тоже его не любила. А я очень любила Вадима, и Вадим, мне казалось, очень любил меня. Я мечтала о том, как мы будем жить вдвоем, гулять в парке, держа нашего малыша за маленькие ладошки...

Первое время, когда Саша родился, я неотлучно находи-

И вдруг Вадим выхватывает Сашу из моих рук и швыряет на диван. С размаху, с силой. Я чую голову не потеряла от страха. Рванулась к ребенку, но железные руки сдавили плечи: — Куда?!

Вадим хватает меня за шиворот и бросает в другую сторону. Сын забивается в угол дивана и пронзительно плачет.

Я с ужасом вижу, как муж тычет пальцем ему в лицо и орет:

— Будешь реветь, я тебя ударю!

Саша продолжает плакать, и Вадим бьет наотмашь — раз,

— Если сунешься, и тебя избью, — сказал Вадим.

— Бей, бей, только Сашу не трогай! — умоляю я.

И удары сыплются на меня — по голове, груди, плечам... На помощь прибегает няня.

— Что вы делаете, изверг, как же так можно!

Он хватает Антонину Петровну за шиворот:

— А вы чего лезете? Это моя семья, как хочу, так и буду себя вести! Вон отсюда! Пошла вон! Засранка! Тварь! — и вышвыривает ее на лестничную площадку.

Вадим повел меня в японский ресторан. Я ничего там не ела и до сих пор не понимаю, что это за еда — сырая рыба. Б-ррр, это для инопланетян

лась с ним, а потом вернулась ночевать в нашу с Вадимом спальню. Муж не любил, чтобы я оставляла его одного.

Видел Вадим ребенка очень редко, иногда поиграет немного в свой выходной, и все. Саше исполнилось год и три месяца, когда произошла эта история.

Как-то раз в воскресенье я сидела в гостиной с ним на руках. Подошел Вадим.

— Ну, иди ко мне, — поминал он руками. Саша загутукал и отвернулся.

— Сашенька, иди ко мне, иди, — а малыш ни в какую.

— Почему он не хочет? — недовольным тоном спрашивает муж.

— Потому что редко видит тебя.

потом другой. Хорошо, что сын сидит на диване и отлетает на мягкую спинку. Он сразу замолкает и, не мигая, смотрит на отца.

— Ты будешь тут сидеть до тех пор, пока не выучишь, кто здесь президент фирмы!

Что он несет?! Какой президент? Какой фирмы?! Перед ним же годовалый ребенок, его собственный сын!

— Я! Ты понял? Я здесь президент фирмы, и ты будешь себя вести с президентом правильно! Как положено! Соблюдать субординацию! Выпендриваться вздумал, сонляк!

Всю эту ахинею муж обильно сдабривает матом. Когда он начинает бить малыша, я пытаюсь закрыть его собой.

Я опускаюсь перед ним на колени и говорю:

— Очень тебя прошу, не надо этого делать. Прости меня, я все исправлю, буду с Сашей разговаривать, чтобы он тебя помнил и не боялся.

— Да, и, между прочим, будешь ему каждый день фотографию мою показывать, чтобы узнавал.

— Хорошо, я сделаю все, как ты скажешь. Я буду показывать фотографию, буду говорить о тебе часто, что папа, Сашенька, тебя любит, он о тебе заботится.

Вадим больше не бьет меня, и тогда, по-прежнему стоя на коленях, я прошу:

— Верни Антонину Петровну. Она же пожилая женщина.

Вадим молча открывает дверь. Няня, рыдая, входит и говорит мне:

— Я в вашем доме больше не останусь, терпеть такое обращение с ребенком я не смогу.

А я все еще стою на коленях и так, с колен, прошу няню:

— Антонина Петровна, я вас умоляю — не бросайте нас. Ради бога, пожалейте!

— Пожалеть?! — вмешива-

ется Вадим. — Сейчас я вас пожалею! Вы отправляйтесь в детскую, — он делает шаг в сторону няни, и она, испуганно взглянув на меня, исчезает.

«Смотри, сколько ты ешь! — он раздраженно ткнул пальцем в мою тарелку. — Меньше надо есть! И заниматься спортом! Худеть!»

— А вы будете тут сидеть!

Вадим толкает меня на диван — не рядом с Сашей, а в противоположный угол. Саша пытается перебраться ко мне, но грозный окрик отца останавливает его.

— Если дернешься, тебе не поздоровится, — говорит он сыну и грозит пальцем...

И мы сидим. Час, другой, третий. Стрелки на больших настенных часах, кажется, вообще не движутся. Во рту сухо. Очень хочется пить, потрескались губы. И режет глаза так, будто их засыпало песком. Мой маленький сын сидит тихо-тихо, не издавая ни звука. Время от времени он начинает дремать, тогда Вадим кричит, не давая ему заснуть.

Я боюсь за сына — в этом возрасте дети такие хрупкие... Все двери из комнаты в комнату настежь. Вадим, как тигр, мечется по квартире и во весь голос рассуждает:

— Вот до чего вы меня довели! Родного отца ребенок признавать не хочет!

Оторвавшийся на съемках клипа каблук — к счастью!

За окнами давно стемнело. И я не могу понять, когда же он, наконец, устанет. Неужели это будет тянуться весь вечер и всю ночь? У меня такое чувство, что вот-вот не выдержу и бессмысленно закричу во весь голос: «А-а-а!» Но я боюсь еще больше напугать сына и из последних сил терплю.

Саша подбегает к моей бо-
льничной кровати. Слава богу, он
цел и здесь, со мной. Я сухими
губами целую, целую, целую
его макушку, уши, нос...

Крепко прижимаю к себе
и через его плечо с тревогой
спрашиваю тетю:

— А Он знает, где Саша?

Она понимает меня сразу:

случайно встретили там зна-
комых, которые наперебой
стали расхваливать мою вне-
шность. Да и Вадим, казалось,
был в хорошем настроении.
И смотрел на меня с удоволь-
ствием. Нас усадили за столик
у окна. Падал снег, а на подо-
коннике стоял цветущий ро-
зовый куст.

Вадим стал оглядывать ресторанный зал. «Видишь, у той какие ноги! А у этой талия, как рюмка!» От стыда я не знала, куда деть глаза...

Вдруг Вадим останавлива-
ется перед диваном. Он мол-
ча разглядывает меня и Сашу.
Я сжимаюсь, ожидая чего-то
ужасного, но муж говорит:

— Ладно, идите...

Я сразу беру сына на руки,
и только тогда он начинает
тоненько плакать.

— Сашенька, не плачь, по-
жалуйста, а то еще хуже бу-
дет, — шепчу я ему в малень-
кое ледяное ушко.

Но Вадим уже тут как тут:

— Скажи, чтобы не плакал!

Одного звука папиного го-
лоса достаточно, чтобы ребе-
нок замолчал.

Я уношу малыша в дет-
скую, мы с няней его кормим,
понм и укладываем в кроват-
ку. Саша сразу засыпает как
убитый.

— Сыночек, сыночек... Ми-
ленький, хороший мой, един-
ственный, — шепчу я, стараясь
подавить рвущиеся рыдания.

— Мама! — слышу я родной
голос. — Мамочка! — и возвра-
щаюсь к действительности.

— Нет, мы Сашу надежно
причем. Не бойся.

Но я боюсь, я очень боюсь.

После той серьезной стыч-
ки с мужем я проснулась вся в
синяках и ссадинах, но жалос-
ти у него ни мой внешний вид,
ни душевное состояние не вы-
звали. Единственное, до чего
он снизошел, проходя мимо,
потрогал плечо: мол, ерунда,
уже заживает. За то, что под-
нял руку на ребенка, я гото-
ва была его возненавидеть. К
счастью, больше он Сашу ни-
когда не бил. Я, как и прежде,
пыталась найти оправдание
его поступку, но на этот раз
ничего не получалось. Реши-
ла, что, видимо, такова моя
судьба и придется это все
терпеть. Одного года хвати-
ло, чтобы я выучила характер
супруга наизусть и научилась
выживать и ограждать от его
жестокости сына — с тех пор
я брала удар на себя.

Спустя две недели, когда
синяки уже прошли, Вадим
повел меня в ресторан. Мы

Вадим налил вина, мы чок-
нулись, и я сказала, глядя в его
ореховые глаза:

— Давай, я тебе рожу еще
ребенка.

Вадим поставил бокал на
стол и перестал улыбаться.

— Какого ребенка? — не-
рвно спросил он.

— Девочку.

Я надеялась, что если ро-
дится девочка, Вадим станет
мягче и успокоится.

— Ты что — беременна? —
улыбалась я.

— Нет, но...

— В таком случае запомни:
я не хочу никакого «еще ре-
бенка».

— Я уверена, что это будет
девочка, и очень красивая, —
уговаривала я его, — как эти
розы, как этот снег...

— Нет. Откуда я знаю, мо-
жет, она некрасивая родится,
как я потом ее замуж буду вы-
давать?

— Почему она должна ро-
диться некрасивой?

— А вдруг! И вообще,
дети — цветы на наших мо-

гилах. Мои родители парожали пятерых, и ни к чему хорошему это не привело, — он снова внимательно посмотрел на меня. — Ты вот одного родила, а вон как тебя разнесло.

У меня внутри будто застыл снежный ком. Да, я поправилась после рождения Саши, но совсем не намного.

— Смотри, сколько ты ешь! — он раздраженно ткнул пальцем в мою тарелку. —

Меньше надо есть! И заниматься спортом! Худеть, подтягивать фигуру. Посмотри, какие кругом женщины.

Вадим, не стесняясь, стал внимательно оглядывать ресторанный зал.

Со своим стилистом Натальей Пилат

Бабушка и дедушка Жасмин с ее мамой Маргаритой и тетей Нинель

— Вон, видишь, у той какне ноги?! А у этой блондинки талия — как рюмка, — он говорил достаточно громко, и я от стыда не знала, куда деть глаза.

На другой день сразу же взялась за себя. Не ела ничего, кроме чернослива, месяца два. Похудела очень сильно, потому что помимо диеты потерю лишних килограммов способствовали унижающие достоинство замечания мужа. Теперь он постоянно говорил, что надо быть стройной и красивой. И снова приводил в пример других женщин. «Ты живешь как принцесса на

горошине, у тебя все есть, и что ты делаешь? Ты ничего не делаешь. Я целый день работаю, а ты слоняешься по дому. Давай, ходи в фитнес-клуб и занимайся. А то сугробы тебя заставлю чистить, если тебе нечего делать».

Я похудела как раз в тот момент, когда вошло в моду караоке. Вадим его тоже купил. И вот однажды он позвал гостей. Я решила выступить перед ними с тайной целью показать, какая у меня стала фигура. Надела облегающее шелковое платье и туфли на высоких каблуках. И когда

после ужина все в гостиной пили кофе, я предложила спеть для них. Мне хотелось, чтобы Вадим не только полюбовался мной, но и понял, как я его люблю. И я выбрала песню из кинофильма «Жестокый романс» — «А напоследок я скажу».

Сначала на лицах гостей были снисходительные улыбки. А Вадим вообще смотрел настороженно, боясь, что я его опозорю. Но когда я закончила, разразился гром аплодисментов. Вадим подошел ко мне и при всех поцеловал. «Здорово, — сказал, — просто супер».

С тех пор муж часто просил меня петь для него. И особенно любил слушать песню из «Жесточкого романа».

А через несколько месяцев мы с ним сидели в ресторане в компании его знакомых, среди которых был один известный певец. И вдруг Вадим говорит: «Прощу, дорогая, спой для меня и моих друзей!» Я испугалась. Одно дело — дома, а другое — здесь, где много посторонних и большой зал. Но отказать мужу не посмела. Горячей рукой взяла микрофон и на секунду прикрыла глаза, пытаясь представить, что я в родном доме и это папа поставил меня на стул перед гостями и

говорила, что нет для меня места и времени. Видимо, достали новые русские, мечтающие сделать из своих жен и любовниц звезд эстрады. Потом все-таки согласилась послушать меня. От волнения я потеряла голос и не смогла ничего спеть. Преподавателя это, как ни странно, растрогало, она меня успокоила, сказала, чтобы я расслабилась и попробовала еще раз. Я спела, она с одобрительной улыбкой обняла меня и сказала: «Хорошо, я возьмусь за тебя».

Я вышла из здания училища и удивилась. Когда приехала сюда, стоял серый февральский день и все казалось тусклым и скучным. Но пока я пела,

не нужны. Но Вадима это не смутило. Он упрямо и целенаправленно начал лезть в шоу-бизнес, узнавать правила игры. Все оказалось очень не просто, но трудности только подзадорили его. Я никогда не просила сделать из меня певицу, относилась к своим занятиям как к хобби. Вадим тоже не сознавался, что всерьез увлечен идеей занять место под солнцем в шоу-бизнесе: «Конечно же, хобби! Тебе это нравится, мне это нравится, почему бы и нет?»

Тем не менее, он активно завязывал знакомства, наводил справки. Вскоре мы познакомились с музыкальным продюсером Женей, который

Мы записали девять песен, оказавшихся никому не нужными. Вадима это не смутило. Он упрямо начал лезть в шоу-бизнес, узнавая правила игры

просит спеть. Я набрала побольше воздуха и запела.

В конце песни весь зал аплодировал, и кто-то даже кричал «Браво!» Но главное — я видела, как доволен и счастлив мой муж. Он встал мне навстречу, поцеловал руку и усадил за стол. Все выпили за мой талант. А певец сказал: «Слушай, да тебе надо заняться пением всерьез, нельзя такие способности терять. Вадик, пусть она походит поучиться вокалу». Мужу эта идея понравилась.

Через этого певца я познакомилась с педагогом из Песинского училища. Она сначала не хотела меня брать,

выглянуло и пригрело солнце, крутом сняли золотые дужки, наперебой чирикали очумелые воробьи, как будто тоже пробовались на вокальное отделение, в общем, случилась неожиданная весна! И хотя я знала, что будет еще и снег, и мороз, и хмурое небо, стало понятно, что весна близко и за тучами всегда есть солнце.

Вадиму наше вдруг возникшее увлечение музыкой страшно понравилось, в один прекрасный день он сказал: «Давай попробуем записать песню». И мы записали одну, потом вторую, третью, четвертую... всего девять песен, которые оказались никому

пообещал отвезти нас к популярному композитору, прекрасному мелодисту. Его песни исполняли многие звезды эстрады. Продюсер знал наверняка, что у композитора есть хит, с которым можно успешно стартовать на большой эстраде. В назначенный день мы загрузили полный джип сладостей, тортиков и фруктов из нашего кафе и поехали к композитору на дачу. Для него дары неожиданностью не стали, более того, как выяснилось, алкогольные напитки он сам заказывал, узнав, кто к нему едет.

Композитор провел нас в большую комнату, в середине

которой стоял круглый стол, а вдоль стены — музыкальная аппаратура. Двойные стеклянные двери были распахнуты, за ними виднелся кабинет, большую часть которого занимал черный сияющий рояль.

Водитель приносил из машины продукты. Какая-то женщина, видимо, домработница, сервировала стол. В это время полагалось говорить о погоде, хвалить природу и дачу. Но Вадим не умеет терпеть. Он начал сразу:

— Я хочу, чтобы ты написал мне очень хорошую песню. Деньги я готов любые

се. — Никому такие песни не нужны, можно их выкидывать.

Мы растерялись. Даже Вадим не нашелся что ответить.

— Ну-с, давайте перекусим, — как ни в чем не бывало предложил композитор и первым направился к столу. Мы что-то ели и пили, после чего хозяин попросил меня спеть.

Я спела. Он выслушал и промолчал. Застолье продолжилось.

Наконец Вадим не выдержал:

— Давай уже, наконец, показывай, что у тебя есть, — обратился он к композитору. Ин-

гаясь на рояль. Мы с Женей замерли, не зная, чем все это кончится. Испуганный композитор съезжился на своем табурете и почему-то вдруг быстро опустил крышку.

— Я вам ничего не обещал, — заговорил он дрожащим голосом. — И денег мне ваших не надо.

— Денег?! — заревел Вадим. — Да я вообще тебя не хочу знать, паскуда, ты для меня умер! И песен твоих мерзких слушать никогда не стану!

Композитор встал, надеясь каким-то образом выйти

«Денег? — заревел он на композитора. — Да я тебя вообще не хочу знать, паскуда, ты для меня умер! И песен твоих мерзких слушать не стану!»

заплатить, лишь бы это была бомба. Еще лучше, если напишешь несколько песен.

— А что вы записали, могу я послушать? — вежливо уклонился композитор.

И мы показали свои девять песен. Слушая, хозяин сидел неподвижно, и по его лицу ничего нельзя было прочесть. Временами мне казалось, что он вообще не слушает, а думает о чем-то своем. Когда последняя песня закончилась, все почтительно молчали, ожидая его приговора. Композитор поочередно посмотрел на меня, продюсера и наконец остановил свой взгляд на Вадиме, понимая, что он тут главный.

— Это все отстой, — сказал он резко с презрением в голо-

тонация, с которой это было сказано, мне не понравилась. Я поняла, что муж начинает закипать. Композитор сел за рояль и что-то наиграл.

— Вот очень хорошая песня.

Наш продюсер подал мужу знак: это не та песня, с которой можно выстрелить. Видимо, «ту» композитор решил приберечь для кого-то другого. Вадим побагровел, глаза налились кровью:

— Ты что, здесь со мной шутки шутишь?!

И начался скандал. Таких жутких оскорблений, думаю, этот известный человек не слышал ни разу в жизни.

— Да ты кто такой, вообще? Врун, мошенник! Охреневшая рожа! — вопил Вадим, надви-

из комнаты. Но было видно, что он просто оцепенел. От чего-то никто не приходил к нему на помощь, хотя в доме он явно был не один. Впрочем, когда Вадим входил в раж и начинал орать, люди предпочитали замереть и не шевелиться. Он был физически очень сильным человеком, чемпионом по тяжелой атлетике в своем родном городе. Неудивительно, что когда им овладевало бешенство, Вадим выглядел как человек, который способен убить.

Он напирал на композитора, теснил, толкал в грудь, а тот стоял, как под гипнозом, и только таранил в испуге глаза. Наш музыкальный продюсер тоже потерялся от страха, практически сполз под стол

В манто из лепестков роз, подаренном поклонницей

и втянул голову в плечи. А я сидела перед своей тарелкой, все еще держа в руках нож и вилку. И они мелко и дробно звенели о ее край. Неожиданно Вадим замолчал, в два шага оказался возле стола и приказал мне, показывая на музыкальный центр:

— Хватай свой диск. Едем домой. Если через секунду не сядешь в машину, убью!

Я схватила диск и выбежала вслед за мужем. Чувствовала себя преступницей, скрывающейся с места пре-

ступления. Поведение Вадима в чужом доме, по-моему, выходило за все допустимые рамки.

Мы сели в машину.

— Где диск?

— Вот, — я открыла футляр... там было пусто.

Вадим сказал очень тихо, но так, что сердце у меня пропустило два или три удара: «Я же тебе сказал, возьми диск!» Я почувствовала, что дома меня ждет что-то страшное. При водителе он разбираться со мной не стал.

Как только мы приехали домой, Вадим буквально втолкнул меня в спальню и зашел следом. Потом почему-то запер дверь на ключ. И от этого мне стало еще страшнее, хотя казалось, что дальше бояться уже некуда.

— Как — ты — посмела — не взять — диск, — когда — я — тебе — приказал?

На каждое слово он делал шаг в мою сторону, неотрывно глядя мне в глаза. Он, казалось, гипнотизировал меня, надвигаясь медленно-медленно.

— Я не знала, что он не лежит в упаковочке... — лепетала я прерывающимся голосом.

Но оправдываться было бесполезно. Один и тот же вопрос Вадим задавал раз пятьдесят, распаяя себя.

— Почему ты так со мной разговариваешь? — растягивая слова, спрашивал он.

— Как я с тобой разговариваю? — мелкими шажками я отступала в угол.

— Ты мне грубишь! Я вырву твой язык и зажарю в печке! А ты его оттуда вытащишь и сама себе порежешь!

Спиной я коснулась холодной стены. Дальше отступить было некуда. Вадим наклонился ко мне и неожиданно улыбнулся. Я увидела его зубы, и мне показалось, что

лась: «За что ты меня бьешь? Прости, если я виновата».

Я уже выучила, что когда он находится в невменяемом состоянии, надо миллион раз просить прощения. Ему нравилось, когда у него просили прощения. Так он быстрее успокаивался и оставался очень доволен своей кругизной. Я понимала: у композитора от своего не добился и вместо того, чтобы найти какой-нибудь дипломатический ход, сорвался, наорал, повел себя неумно, проиграл. И раздражение в полной мере выместил на мне.

— Ползи ко мне! — приказал Вадим. — Ползи, кланяйся и проси прощения.

Я двинулась к нему.

— Прости меня, Вадим!

Наконец я доползла до него. «Ближе! — приказал муж. — Еще ближе!» Моя голова уперлась ему в живот. Вадим наклонился, больно схватил меня за волосы и оттянул голову назад. Он впился мне в лицо немигающим, холодным взглядом, потом резко оттолкнул и, не оглядываясь, вышел из комнаты.

...Через час, немного успокоившись, я вышла из спальни. Вадим сидел в гостинной в кресле у окна. Я опустилась перед ним на колени и снизу вверх робко заглянула ему в глаза. Он смотрел на меня спокойно, как будто чего-то ждал. И я рискнула:

— Ты говорил, что мое пение — хобби. Но у нас из-за этого хобби в семье появились проблемы. Тебе они нужны?

«Едем домой. Если через секунду не сядешь в машину, убью! Где твой диск?» — «Вот», — я открыла футляр... там было пусто

сейчас он вопьется мне в горло. В ужасе я закрыла глаза. Он схватил меня за шиворот и бросил на кровать. Я больно ударилась лицом о расшитую бисером и стразами подушку. А Вадим уже кричал: «Встать, я тебе сказал!»

Я быстро встала. И он со всего размаха ударил меня в грудь так, что я упала навзничь. Но он уже опять кричал: «Встань, я тебе сказал!» Я вскочила, голова кружилась. Вадим что есть силы ударил меня по лицу. Я отлетела к шкафу и съехала по нему вниз. Там, на полу, я расплака-

— Не так! — закричал он. — Вернись!

Я по полу метнулась к шкафу и начала сначала. Передвигала одну коленку, кланялась и говорила: «Прости меня, Вадим, я виновата!» Потом подтягивала другую, кланялась и снова говорила: «Я во всем виновата, умоляю — прости меня».

— Почему не смотришь в глаза?! — закричал он.

Я подняла голову, но из-за слез совсем не различала его лица — только пятно. И старательно таращась на это пятно, просила, просила, просила прощения.

Вадим молчал.

— Очень тебя прошу, давай не будем продолжать это пение, потому что то, чем мы занимаемся в последнее время, портит наши отношения, вносит разлад в семью. Зачем мне эти песни? Семья важнее всего.

— Я тебя услышал, а выводи буду делать сам, — сказал Вадим. Поднялся и вышел.

Снова зазвонил мобильный.

— Это твой музыкальный продюсер, — говорит тетя. — Возьми трубку?

— Нет. У меня нет сил. Просто передай привет и скажи, что мне уже лучше.

На другой день наш музыкальный продюсер Женя съездил к композитору на дачу и привез забытый нами диск. Когда он вернулся, Вадим велел мне привести себя

— Деньги — не проблема, — муж повернулся ко мне. — Поехали обедать.

В ресторане мы встретили знакомых. Вадим обнимал меня, целовал и с уверенностью решенного дела говорил всем:

— У моей жены скоро сольный концерт — приглашаю.

Женя все время должен был быть с нами — в будни, праздники, ездить вместе в отпуск. Скоро он стал просто-напросто членом нашей семьи, а для меня — большим другом и первым человеком, который узнал, что в действительности представляет собой мой муж.

Как-то после записи мы

«Ползи ко мне! — приказал Вадим. — Ползи, кланяйся и проси прощения». Я двинулась к нему. «Не так! — закричал он. — Начни снова!»

в порядок. Я по возможности запудрила синяки, надела темные очки и вышла к ним в гостиную. Муж развалился в кресле, а Женя примостился на самом кончике стула. И вид имел встревоженный, почти испуганный:

— Я всего на минутку зашел — отдать диск.

— Отчего же на минутку? — перебил его Вадим. — Надо обсудить наши дальнейшие планы.

— Да я, собственно... — занимаясь продюсер.

— Жена напомнила мне вчера, что я собирался вдвое увеличить вашу зарплату. Извините, с этой нервотрепкой забыл. Так что насчет новых песен?

Женя, который было поднялся, снова сел, но теперь уже основательно.

— Есть у меня один известный композитор. И, в принципе, он обещал мне целый цикл новых песен специально для дебюта. Денег, правда, будет стоить.

Я была в ужасе, но послушно улыбалась, повторяла вслед за мужем:

— Обязательно приходите.

А к концу ужина подвыпивший продюсер доверительно сказал Вадиму:

— Знаете, я думал уйти. Но теперь вижу, что с вами работать можно. Поэтому хочу предложить вам сценическое имя для вашей жены. Я давно его придумал.

— Давно придумал? — Вадим улыбнулся, но я видела, какой недоброй стала эта улыбка.

— Арабелла, — сказал Женя.

— Арабелла? — повторил Вадим. — А что? Мне нравится. И улыбка его подобрела.

Наш продюсер оказался замечательным человеком, но слабым. Вадим полностью подчинил его себе. Однажды я услышала, как муж говорил ему тихо и злобно:

— Если еще с кем-то станешь работать, тебе будет очень плохо.

сидели с Женей в кафе. Я сняла очки, достала пудреницу и стала проверять макияж — глаза были заплаканы после очередного скандала и бессонной ночи.

— Ничего, что я при тебе этим занимаюсь? — спросила я. — Нет сил встать и выйти.

Он вдруг нежно погладил меня по рукаву и сказал:

— Ты мне как сестра. С ним ничего нельзя сделать, такой он человек. Ты никогда не уйдешь от него, потому что это невозможно. Просто надо терпеть. И мне надо терпеть.

— Но тебе-то зачем?! — воскликнула я.

Он вдруг стал тереть лицо ладонями, а когда отнял руки, оно было белое-белое в красных полосах там, где он нажимал пальцами.

— Я не говорил тебе, почему мы расстались с Людмилой. Я ведь ее очень любил, и она меня любила...

Я знала, что у него была девушка. Он даже познакомил нас с ней, и мне она очень

поправилась. И вдруг где-то месяца за два до этого разговора Людмила пропала, а на мой вопрос Женя ответил, что они расстались.

— Твой муж заставил меня это сделать. Он почувствовал, что не нравится Люде, и, видимо, побоялся лишиться ценного работника, — с горькой иронией произнес Женя.

— Как можно мужчине заставить расстаться с любимой? — я изумилась до такой степени, что забыла про собственные проблемы.

— А очень просто, — ответил Женя. — Два месяца назад, шестого сентября, — я хорошо запомнил этот день, — Вадим вызвал меня к себе. Тебя не было. Вы с няней уехали делать Саше прививки. Как только я вошел в кабинет, он, не говоря ни слова, сильно ударил меня. Я никак этого не ожидал и упал. Неудачно — здорово стукнулся головой. Он подошел и ударил меня ногой. Я ничего не понимал и не соображал. Только бессвязно спрашивал что-то вроде «за что?», «что случилось?»

«Садись», — сказал Вадим и положил на стол какой-то документ.

Я поднялся, голова кружилась, и сел в кресло.

«Распишись здесь», — сказал он и сунул мне ручку.

У меня все-таки хватило смелости спросить:

«Что это?»

«Хочешь добавки?!» — Вадим произнес это так, что я понял — он способен забыть меня до смерти. И я подписал. Он показал из своих рук подписанную бумагу. Это была долговая расписка на очень крупную сумму. Потом Вадим аккуратно убрал ее в папку.

«Значит, так, — хлопнул он ладонью по папке, — если ты не прекратишь встречаться со своей девицей, я потребую, чтобы ты выплатил всю сумму. Так и знай!»

Я тогда уехал на неделю отдохнуть. Но все равно началась депрессия.

Жасмин с братом Анатолием

— Неужели ты не можешь собрать эти деньги? Ты же много получаешь. Ну, займи еще у кого-нибудь, — мне было так его жалко, что хотелось немедленно придумать выход.

Тут продюсер стал смеяться. Он смеялся и смеялся, и все никак не мог остановиться.

— Значит, ты ничего не знаешь. Это было, когда мы еще только начали с тобой работать. Я пришел за первой зарплатой. А Вадим, непривычно добрый, веселый, коньяком меня угостил и говорит:

«Зачем тебе получать на руки такие большие деньги?»

Тут мы с ним чокнулись и выпили за твою успешную карьеру.

«Ты — молодой, потратишь их на глупости, — и он снова разлил коньяк. — Лучше я буду давать тебе ежемесячно столь-

хочу встретиться с подружкой в ресторане, нужно тоже спрашивать разрешения. И ты знаешь, я уже к этому привыкла.

— Ему нравится твоя покорность, — сказал продюсер. — Он часто про тебя говорит — какая ты у него воспитанная.

Нам подали счет. Мы посмотрели друг на друга и разом рассмеялись. Два взрослых человека, много и тяжело работающие, оплачивали кофе и пирожные выпрошенными деньгами.

Незаметно наступил день. Мне принесли больничный обед, а няня повезла Сашу обедать туда, где его прятали. Мы с тетей остались вдвоем. Она помогла мне сесть в постели.

— Господи, чем же они тут кормят?! — причитала она, глядя в мои тарелки.

пшени, не люблю новшества. Кто-то может и голубя съесть, и лягушачьи лапки, и устриц, а я скажу: «Б-рр-р-р, это еда для инопланетян».

Я привыкла есть нормальную, здоровую пищу — мясо баранка, который только что пасся на зеленом лугу, рыбу, только что выловленную в море, зелень, фрукты. Летом могла ничего не есть, кроме арбуза с хлебом, — необыкновенно вкусно. Или рис с кефиром. Кефир бабушка делала сама: добавляла в кастрюлю с молоком столовую ложку магазинного мацони и размешивала, издавая при этом такой странный долгий звук, какой бывает, когда нарочито целуют засос. Этот звук как приговаривание. Потом кастрюля остывала, бабушка переливала содержимое в баночки и ставила в холодильник. По-

Сын забивается в угол дивана и пронзительно плачет. Я с ужасом вижу, как муж тычет пальцем ему в лицо и орет: «Будешь реветь, я тебя ударю!»

ко, сколько нужно на жизнь, а остальную сумму мы будем вкладывать под проценты в мой бизнес».

— Я согласился и попался. Деньги у меня есть, но как их получить? ..Кстати, коньяк был хороший.

И он снова закрыл ладонями лицо.

— Да ведь и я так живу. Чтобы сходить в парикмахерскую, магазин, что-нибудь купить, вынуждена каждый раз обращаться к мужу. Если за-

лучалось как желе или холодец. Баночку можно было перевернуть — и из нее ничего не проливалось. Как это у нее выходило, я не знаю. Мне кажется, если бы я попытался это сделать, у меня бы так не застыло никогда в жизни.

— Ах, тетя, разве сейчас это важно? — Но раньше ты любила покушать. И хорошо в этом понимала. Это все болезнь. Ничего. Здоровье вернется, и вкус вернется.

Когда мы уже были женаты и жили в Москве, Вадим повел меня в японский ресторан. Я ничего там не ела и до сих пор не понимаю, что это за еда — сырая рыба. Я консервативный человек в плане

Но это было в детстве, а детство мое кончилось — утекло, как песок в песочных часах...

Я начала выступать, и известность моя росла. Вадим этим очень гордился. Только, как оказалось, гордился не

В Лос-Анджелесе на киностудии Universal

мною, а собой. Это же он меня создал. А я жила и надеялась, что наши отношения улучшатся. Мы прожили спокойно, кажется, целых полгода. В тот день я приехала на концерт и сразу ему позвонила — сказать, что доехала. Такое у нас было заведено правило. Каждый вечер я представляла ему свое расписание на завтра — день должен был быть расписан по минутам. И муж

это расписание утверждал. Или куражился, требовал, чтобы я еще что-нибудь туда вставила, чтобы секунды свободной не оставалось. По этому расписанию я ему в течение дня и отчитывалась. Он манипулировал мною, как пультом от телевизора, и получал от этого огромное удовольствие.

Когда меня накрасили и причесали, я снова ему позвонила — сказать, что готова

к выходу. После выступления вернулась в гримерную и увидела, что он стоит посреди комнаты, расставив ноги и заложив руки в карманы брюк. Поза была такая угрожающая, что я замерла в дверях. Но по коридору шли люди. Мне было неудобно, и я сделала шаг в комнату, закрыв за собой дверь.

Оказалось, не предупредив меня, Вадим приехал на

С отцом
Львом Манахимовым

концерт и смотрел мое выступление.

— Зачем ты так накрусилась? — спросил он.

Я не знала, что ответить. Мне делали один и тот же макияж постоянно. И раньше у него претензий не возникало.

— Почему ты в начале песни пошла не налево, а направо? И стояла там дольше, чем слева. Кто там сидел? А на остальных песнях ты стояла по центру, как мешок с говном, как парализованная! У тебя что, вместо ног костыли? Двигаться не можешь?

— Я же делаю вот так, — выдвинула я из себя и попыталась показать. — Режиссеру концерта все понравилось.

— Ты на режиссера не ссылайся, отвечай, зачем ты это движение делаешь? Зачем улыбаешься, как недоразвитая? Это же грустная песня!

— Я не улыбаюсь. Это так кажется. Для того, чтобы взять нужную ноту, приходится открывать рот, а тебе показалось, что я улыбалась.

— Нельзя так петь! — рявкнул Вадим. — Я не знаю, какую ноту тебе надо брать. Пой так, чтобы не скалить зубы!

Он со злостью ударил по столу, и с него посыпались баночки, тюбики. На шум прибежала стилист Инна:

— Что случилось?!

Она с ужасом смотрела на разгром в гримерной.

— Да вот еще грим у нее непонятный, — Вадим говорил совершенно спокойно, будто на обычном деловом совещании. — Инна, что ты ей за грим сделала? Посмотри, на кого она похожа?!

— Я все делаю одинаково уже давно, — ответила Инна.

— Все очень некрасиво и очень плохо! — сказал Вадим.

Тут в гримерку вошла моя пиар-менеджер Маша.

— Маша, покажи стилисту клип, в котором Арабелла мне нравится. Пусть сделает такой же грим, — распорядился он. — И еще, Маша! Я же надиктовывал Арабелле подводки к песням. Может, она больная или тупая. Но ты-то запомнила?

— Да, я все запомнила, — кивнула Маша.

— Подготовь певицу. И если она опять не сможет повторить — с ней такое будет! И вообще, по поводу нашей певицы нужно собрать совещание: мне не нравится все это.

И он пошел к выходу, бросив мне через плечо:

— Чтобы через две минуты была в машине.

Мы остались в разгромленной комнате. Я начала быстро, как солдат по тревоге, переодеваться. Маша и Инна помогли как могли. У нас тряслись руки. Мы пугались в вещах и все роняли. К машине я прибежала вовремя, одетая, только туфли были на босу ногу.

Я села в машину. Он обнял меня за плечи и сказал добродушно:

— Вот видишь, сколько я тебе уделяю времени.

Так прошло несколько лет. Я научилась улыбаться при любых жизненных обстоятельствах. А люди, с которыми я работала, научились делать вид, что ничего не замечают. И лишь однажды...

Когда стало понятно, что дела мои идут хорошо, певица Арабелла существует и собирает публику, продюсер предложил устроить в Москве концерт, на котором я бы пела с тремя известнейшими

дило в его планы: игрушка не должна ломаться. Вадим одним прыжком подлетел к дивану и столкнул меня на пол. На мое счастье, я упала вместе с пледом — он смягчил удар.

Вадим заорал:

— Встань!

И я стала медленно подниматься. Даже мысли убежать не появилось. И когда он ударил по лицу — я тоже не уклонилась.

— Будет лицо изуродованное — как ты завтра выступать станешь?! Что люди скажут? — кричал Вадим.

И тогда я упала на колени, протянула к нему руки и стала умолять:

— Ты сама виновата во всем. Ты хочешь сказать, что ты не виновата?

Я зашепила:

— Нет, что ты, я во всем виновата. В том, что у нас не ладится, только лишь моя вина, — убеждала я, и он постепенно начал успокаиваться.

Я стояла на коленях и твердила о своей вине, хотя вообще не понимала, за что прошу прощения, но привыкла проинспектировать эти слова как единственную защиту от побоев.

— Хорошо, я тебе обещаю, что бить тебя больше не буду, — сказал Вадим.

И вот на другой день мы приехали в концертный зал

Я упала на колени, протянула к нему руки и стала умолять: «Очень сильно тебя прошу, не бей меня. Я сделаю все, что ты скажешь!»

эстрадными исполнителями. Причем все трое должны были быть мужчинами.

Мой муж, который любил только собственные идеи, неожиданно это предложение принял. Накануне я страшно разволновалась. Лежала на диване — руки и ноги холодные и сердце, казалось, почти не бьется.

Вадим заглянул в комнату:

— Ты чего лежишь?

— Плохо себя чувствую. Температура подскочила. Наверное, от волнения. Совсем нет сил.

— Ты что? Хочешь сорвать мне концерт?!

Он безумно раздражался, когда я заболела. Это не вхо-

— Очень, очень сильно тебя прошу, не трогай меня, не бей, потому что ты мне можешь все сказать словами, и все, что ты скажешь, я сделаю. Я буду менять свой характер, отношение к жизни. Не трогай меня, я все пойму с полуслова. Ты запугал меня, я боюсь тебя очень сильно.

— Почему ты меня боишься? — Вадим даже остановился и опустил руку, занесенную для удара.

— Ты же бьешь меня, — я продолжала стоять на коленях и смотреть на него снизу вверх, изо всех сил стараясь не заплакать.

Вадим задумался, отошел и сел в кресло:

на важнейший для моей карьеры концерт.

Певцы, с которыми мне предстояло выступать, поздоровались со мной вежливо, но достаточно холодно. Я понимала, что они принимают меня за очередную жену нового русского, мечтающую стать звездой.

Концерт прошел просто замечательно. Было много искренних аплодисментов и море цветов.

Когда все закончилось, мы — солисты — стояли вчетвером за кулисами, кругом сновали люди, но трое больших мужчин так окружили меня, что я никого не видела. Они говорили мне хорошие

слова, поздравляли и обещали с удовольствием спеть вместе еще раз.

И вдруг один из них протянул руку и слегка коснулся моей щеки.

— Что это? — спросил он. — Тебя кто-то ударил?

— Нет-нет, — испуганно возразила я. — Это я сама стукнулась. Знаете, очень нервничала перед концертом, оступилась и ударилась.

— Щекой? — удивился второй.

Тут подошел муж в сопровождении Машки. Он, несом-

ненно, сейчас ему захотелось показать этим трем блестящим мужчинам, что у нас в семье царит идиллия. Вадим назвал меня любимой женой, обнял, поцеловал. И сказал:

— Бедняжка так нервничала перед концертом, что по неосторожности даже ударилась. Я очень за нее испугался. Слава богу, синяк маленький.

Но едва они отошли, Вадим рывкнул:

— А ну, повернись!

Я повернулась крутом.

— Маша! — скомандовал он ппар-менеджеру. — Достань

— Ты очень хорошо пела, Арабелла. И двигаешься ты прекрасно. Поверь, из тебя получится настоящая звезда. Мне-то ты доверяешь?

— Да, — кивнула я.

— Вот и правильно. И больше никого не слушай, — он легонько сжал мои плечи, и я пошла дальше. Мне казалось, что усталость и ужасное настроение разом прошли.

Раздался стук в дверь палаты, я выронила ложку.

— Сейчас посмотрю, — заспешила тетя к двери. — На-

«Это же грустная песня! Нельзя так петь! — рывкнул Вадим. — Я не знаю, какую ноту тебе надо брать. Пой так, чтобы не скалить зубы!»

енно, видел, что певец с вопросом дотронулся до моей щеки, и тут же понял, в чем дело. Вадим был прирожденный лицедей. Как он умел перевоплощаться! Бывало, орет на меня с пеной у рта, а через секунду уже воркует по телефону с нужным человеком. Многие искренне считали, что он ко мне очень хорошо относится. Да, он делал вид перед теми, кого побаивался или кто был ему нужен для достижения своих целей в бизнесе. Вадим не был сумасшедшим и умел сдерживать агрессивность в общении с такими людьми. При желании он мог быть блестящим дипломатом, знал, с кем и как можно обращаться, менялся, словно хамелеон, в зависимости от обстоятельств.

бумагу и записывай. Первое: ваша певица обязана в одиннадцать тридцать по будням посещать танцкласс. Второе: за ее опоздание буду штрафовать вас. Третье: если ваша певица скажет, что не станет заниматься танцами, вы должны ответить: станешь, еще как станешь!

Когда после криков и оскорблений Вадим, наконец, позволил мне пойти отдохнуть, я была чуть живая от усталости и унижения. Проходя по коридору, я заметила, что дверь одной из гримерок приоткрыта. Оттуда ко мне вышел самый популярный в нашей стране певец. С высоты своего роста он смотрел на меня как на девочку. Положил две большие теплые ладони мне на плечи и сказал:

верное, кто-нибудь из своих — навестить тебя приехал.

Это была Инна — мой стилист. Ее щебет заполнил больничную палату. Она передавала приветы коллег. Оказывается, пока я была без сознания, звезды нашей эстрады, с которыми я выступала вместе, и те, с кем была еле знакома, звонили, выражали сочувствие, предлагали помощь. И в прессе все они встали на мою сторону.

— Наши балетные девочки приготовили тебе подарок на день рождения, а теперь спрашивают: может быть, сейчас принести? А на день рождения они что-нибудь новое придумают? — спросила Инна.

— Какой подарок?

— Не знаю. Это сюрприз.

«Не люблю сюрпризы», — подумала я. В моей жизни с

На съемках фильма «Али-Баба и сорок разбойников» в Бахчисарае

мужем их было много, и все неприятные.

Однажды вечером я позвонила Вадиму на мобильный, чтобы узнать, когда его ждать к ужину. По утрам он вставал в девять, возвращался в полночь, мог прийти в час, в два, в три ночи. Говорил, что задерживается на работе. И вот я ему звоню и не узнаю своего мужа. Он отвечает ележным голосом, произносит ласковые слова: «Да, моя любимая. Скоро приеду, дорогая. Не волнуйся, я еще немного поработаю». «Какой странный голос», — подумала я и собралась уже было повесить трубку, как вдруг услышала

странное шуршание. Снова по инерции поднесла ее к уху, думая, что Вадим хочет сказать мне что-то еще. Но он просто забыл отключить телефон, и я совершенно отчетливо услышала, как на том конце провода мой муж занимается сексом: поняла это по звукам, доносившимся из трубки.

Я не могла в это поверить! Меня начало трясти, зуб на зуб не попадал от внезапно открывшейся истины. Так вот как муж трудится до трех часов ночи!

Потом мне начали докладывать кое-какие люди, что у Вадима есть специальная квартира для этих целей.

Иногда он встречался с девицами в своем кабинете, иногда в гостиницах. Мама и бабушка предупреждали, что «все мужчины делают Это» и я должна к Этому нормально относиться. Ничего здесь не изменишь, такое поведение заложено природой. Но когда я непосредственно столкнулась с изменой мужа, переживала очень тяжело и болезненно.

Я стала как мертвая, ни с кем не хотела разговаривать, слезы наворачивались на глаза беспрерывно. Он приехал домой и заметил, что со мной что-то не так:

— Почему ты такая грустная?

— Все нормально.

Вадим же отставал:

— Я же вижу, с тобой что-то происходит.

Ничего с собой поделывать не могла, не сумела взять себя в руки. Не разговаривала с ним, как обычно, не суетилась вокруг кроткой овечкой, не прыгала пушистым зайчиком. Голос был мертвый, все делала как на автомате.

На следующее утро не выдержала и сказала:

— Я хочу с тобой поговорить.

Мы вышли во двор и сели на скамейку. Утро было чу-

— Откуда узнала?

И я ему пересказала вчерашнюю историю с телефоном.

— Это неправда! — зашипел он. — Ты зачем все это придумала?

Я молчала. Воробьи нашли где-то надкусанный бублик и теперь дрались за него.

Вадим посмотрел на воробьев, и тон его изменился:

— Вообще-то, раз вышла за меня замуж, будь любезна терпеть.

То есть получается, я все выдумала, но даже если бы это было правдой, возмущаться я не имела права.

— Сейчас же ты живешь вполне нормально. Ну, а теперь быстро скажи, что любишь меня. Скажи — как мы живем?

И я ответила:

— Я люблю тебя, и ты любишь меня, у нас все хорошо. У нас крепкая, любящая семья.

— Скажи — как любишь?

— Так люблю, что готова все терпеть.

— Ну, ты же знаешь, я не могу сразу простить, ты же знаешь, какой я, — важно заявил мой муж.

— Да, — отвечала я ему. — Я знаю, я подожду.

С высоты своего роста певец смотрел на меня как на девочку. «Ты очень хорошо пела, Арабелла. Поверь, из тебя получится настоящая звезда»

десное, тихое и солнечное. На землю слетели воробьи. Мы сидели так неподвижно, что они не боялись и чирикали у самых наших ног. Я заговорила еле слышно, почти не разжмая губ, потому что мне трудно было это выговорить:

— Я знаю, что у тебя есть другая, ты мне изменяешь.

Он ответил так же тихо, почти шепотом:

— С чего ты взяла? Ты что, больная?

Любимое его словечко! Когда я что-то сделаю плохое с его точки зрения, сразу орет: «Ты что, больная?!» А тут почему-то говорит эти слова как виноватый. Наверное, все прочел в моих глазах, потому что вслед за этим спросил:

— Так у тебя есть любовница? — напрямую спросила я.

— Если захочу, могу себе позволить иметь любовницу в открытую, — Вадим повысил голос, и испуганные воробьи, бросив бублик, взлетели на дерево. — А если ты еще раз заговоришь со мной на эту тему, тебе не поздоровится... О чем еще задумалась?

Я думала о разводе, но боялась сказать это вслух, однако он как будто прочел мои мысли:

— Если у тебя когда-нибудь появится безумная мысль уйти от меня, знай, этого не будет. Из моего дома тебя вынесут только ногами вперед.

Вадим развернулся ко мне всем телом. Я ждала удара. Но он лишь холодно улыбнулся:

Я научилась играть в его игру.

Он встал и ушел. Я осталась одна на скамейке и, наконец, расплакалась.

Медсестра пришла ставить капельницу. Тетя держала меня, как маленькую, за другую руку, а Инна развлекала новостями, смененно в лицах изображая общих знакомых. Я поймала себя на том, что улыбаюсь.

Как хорошо, когда возле тебя родные и друзья!

А тогда рядом со мной не было подруг, не было мамы, с которой можно было бы посоветоваться. Долгое время я никого не подпускала к себе. Все свои несчастья держала внутри. Злая была на весь мир.

Что в нем хорошего? Один мучения. Всерьез думала о самоубийстве. К людям относилась плохо, могла наругать.

Оттаяла в последние два-три года замужества, когда сблизилась со своим коллективом, увидела, что и ребят Вадим пытается превратить в таких же униженных рабов.

У меня появились подружки, с которыми я могла выговориться. Они же не слепые, постоянно находясь рядом, видели мои синяки, унижение и то, как муж со мной обращается, и сами стали приходить поговорить по душам. Сначала я присматривалась: вроде не льстят и от души сочувствуют. Жизнь с Вадимом настолько ожесточила меня, что я перестала верить в существование между людьми хороших доверительных отношений — любви, дружбы.

Когда мы сошлись поближе, девочки стали говорить:

— Как ты можешь все это терпеть?

Я отвечала:

— А что я могу изменить?

С тех пор как у меня появились подружки, с которыми я могла поделиться своими проблемами, мысли о самоубийстве отступили. Мы жили одной жизнью, вместе ездили на гастроли, сталкивались с самодурством Вадима.

«Арабелла-интерпрайз» стала делом его жизни. Днем он занимался своим бизнесом, вечером и ночью погружался в шоу-бизнес. Он мог спать по три часа в сутки и при этом не чувствовал себя уставшим.

Я не имела права ложиться без него и обязана была вставать вместе с мужем. То, что назавтра мне предстояли тяжелый перелет и концерт, его не волновало. Уставала, не высыпалась, но только в исключительно редких случаях могла позвонить ему в офис и попросить разрешения лечь спать до его возвращения.

Наш дом и коллектив почти соединились, потому что везде царил грубая власть моего мужа. Ни один праздник не проходил без обязательного присутствия моих коллег — новогодние праздники, мероприятия, связанные с его бизнесом, или еще что-то — все должны были сидеть с ним рядом. Вадим любил застолья, ему нравилось, чтобы его слушали. Даже когда он брал в коллектив новеньких, сразу предупреждал, что их ждут обязательные культурные программы: «Мы, конечно, спросим вас, ради соблюдения этикета, хотите ли вы присоединиться к коллективу, но ответить «нет» нельзя».

Особенно пристальное внимание он уделял балетной труппе.

Очень скоро я поняла, что девочек для балета Вадим подбирает со вполне определенными намерениями. Не по способностям, а на свой вкус.

Одна девушка, Надя, проработавшая с нами не один год, симпатичная, с хорошей фигурой, вдруг решила уволиться.

— Странно, — сказала я, — она же только что подписала контракт на будущий год.

— Я не знаю, — неопределенно ответил Вадим. — Ну, ладно, очень жаль.

Меня удивила его безразличная интонация, обычно он агрессивно реагировал

Солнечный Дербент — город, где прошло ее детство

на любое проявление чужой воли.

И вот однажды совершенно случайно я увидела в телефоне Вадима номер Нади. «Непонятно, — подумала я, —

она же у нас уже давно не работает».

Заглянула в телефонную книгу, ее номер просматривался буквально каждый день. Она звонила Вадиму, а он ей.

И тут я вспомнила, как мы с балетными вместе отдыхали в Арабских Эмиратах. В этой поездке с нами была та самая Надя. Сначала мы пошли на концерт, где высту-

пали и наши российские артисты. Сидели в первом ряду. Вдруг Вадиму захотелось потанцевать. Он встал несмотря на то, что сзади сидели

зрители, и начал дергаться. Места хорошие, вокруг милая люди, много русских, ему говорят: «Молодой человек, вы не могли бы сесть?»

Или отойдите в сторонку». Он оборачивается: «Что ты сказал?!» Какой тут начался ор! «Мало ли, что тебе не видно, я хочу здесь танцевать и буду!» Агрессия в нем бурлила, и он, повернувшись спиной к сцене, показал неприличный жест — руку, согнутую в локте: «Буду танцевать! Буду, и все! Настроение, козлы, испортили!»

Мы не знали, куда деваться от стыда, и старательно делали вид, что не имеем к этому никакого отношения.

После концерта, когда возвращались в отель, остановились возле дискотеки. Мы с Вадимом, пиар-менеджер Маша и музыкальный продюсер Женя решили не заходить внутрь, а девочки побежали танцевать. Потом к ним присоединились танцовщик Кирилл и администратор Илья. И вдруг мой муж, все еще какой-то взвинченный, говорит:

— Я тоже пойду, потанцую.

Вернулся он просто невменяемым, глаза налились кровью, орет как бешеный. Оказывается, на дискотеке кто-то пристал к балетным девочкам, а «мужики» — Кирилл с Ильей — «не могли их отбить».

Но я вспомнила, как девочки наряжались, выпрашивали друг у друга блузки (чужая почему-то всегда кажется лучше), просили моего совета, как причесаться, ко-

Родители Жасмин
в день бракосочетания

роче, мечтали о романтическом знакомстве. А еще раньше в самолете раскладывали карты, положив на колени журнал. Я спросила шутливо: «Обещают вам карты принца?» А Надя вдруг ответила серьезно: «Все мечтают — не о принце, так о шейхе, разве мечтать запрещено?» Я решила помочь девчонкам, оградив от излишней заботы моего мужа, и сказала:

— Но это же их личная жизнь, девушки гуляют, отдыхают.

Я сняла платье и собиралась пойти в ванную.

— Стой! Ты не имеешь права мне все это говорить.

Раздетая, я стояла перед мужем, и хотя в номере было очень тепло, начала дрожать от страха.

Если бы знать, чем на самом деле вызвана ярость Ва-

— Не из-за них, а потому что ты себя плохо ведешь.

Я стояла на коленях, а он бил меня по голове. Чаще всего удары попадали в лицо, и я просто чувствовала, как оно распухает. Вдруг он отошел от меня и, посмотрев с отвращением, сказал:

— Что ты тут торчишь голая? Иди в ванную. Иди и сиди там. И попробуй выйти, я тебя убью.

Полночи я провела в ванной, ужасно себя чувствовала и время от времени просила: «Можно выйти? Мне плохо. Можно я лягу?»

— Может, девушкам нравилось, что за ними ухаживают. Они же не просили ребят вмешиваться.

Видимо, Вадим, как я теперь поняла, к кому-то приревновал Надю, а я оказалась виноватой, как всегда.

— Что ты там вякаешь? — набросился он на меня.

— Да пусть делают что хотят, какая тебе разница? Они незамужние, отдыхают.

— Не лезь, сам знаю, я же мужчина. Сходил и разобрался.

Прибежали девчонки, не понимают, из-за чего ор. Вадим быстрым шагом пошел вперед, ни на кого не глядя. Все, естественно, трусцой побежали за ним. Свита не должна отставать от господина.

Мы пришли в гостиницу, поднялись в номер, и Вадим начал меня отчитывать.

— Я должен был сам во всем разобраться. А ты твякаешь под руку!

дима. Но тогда я о его отношениях с Надей даже не догадывалась.

— У тебя что, корона на голове? — с угрозой спросил муж.

— Я не понимаю: что ты хочешь этим сказать?

— Ты что, корону надела на голову? У тебя звездная болезнь? Что-то ты много слишком стала разговаривать со мной!

Я чувствовала, что он распалется все больше, и не знала, что делать. Два осторожных шага босыми ногами, и вот — между нами стоит хотя бы кресло.

— Нет, что ты, ни в коем случае.

— Ты думаешь, я с тобой не справлюсь?

Одним резким движением он отбросил кресло и ударил меня. Я упала на колени:

— За что? Из-за этих девок ты избиваешь меня, свою жену?

Полночи я провела в ванной, ужасно себя чувствовала и время от времени просила:

— Можно выйти? Мне очень плохо. Можно я лягу? Мне очень плохо...

— Сиди там, ничего с тобой не будет, — отвечал муж. — В следующий раз будешь знать, как вести себя.

Под утро он крикнул: — Ладно, иди, ложись! Умри!

На другой день лицо выглядело так, что на улицу я смогла выйти только в самых больших темных очках. Ребята, увидев меня, были в шоке. Музыкальный продюсер и пиар-директор жили в соседних номерах и слышали весь скандал. Они взглядами пытались выразить сочувствие, поддержать.

Но моя боль — это моя боль.

С тех пор Вадим в припадках бешенства часто кричал, что у нас на головах короны,

называл Кинг-Конгами в коронах.

И весь этот ужас, как оказалось, был из-за Нади. Потому я выяснила, что их связь продолжалась около двух лет. Мужу я ничего не сказала. Вскоре после ее ухода Вадим сам завел разговор:

— Надя приходила, она в туристическом агентстве работает, но что-то ее там не устраивает. Просится ко мне в бухгалтерию.

Он вынужден был со мной советоваться в этой ситуации, потому что Надя раньше была

Может быть, мы можем что-нибудь для нее сделать? Ей так тяжело.

На следующий день у меня очень кстати был день рождения. Надя не позвонила. И вечером я сказала мужу:

— Представляешь, все мне позвонили, поздравили, а Надя не соизволила.

И когда Вадим в третий раз завел песню «давай поможем Наде», я сказала:

— Как ты можешь брать на работу человека, который даже не поздравил меня с днем рождения?!

ярости. Потом с пеной у рта набросился на меня:

— Все плохо! Вместо ног у тебя костыли! Балет твой никуда не годится.

И переключился на балетных:

— Уволю! По миру пуцу!

В гневе он был страшен. Глаза наливались кровью и приобретали какое-то жуткое нечеловеческое выражение. Во время припадков бешенства он вводил людей в оцепенение. Вот и сейчас, как кролики перед удавом, мы боялись пошевелиться.

Его рука остановилась в сантиметре от лица побледневшей девушки: «Я возьму тебя за ухо, закрою дверь, а ухо останется у меня в руках»

членом коллектива, и если бы вдруг выяснилось, что Вадим без моего ведома взял ее к себе, их связь стала бы очевидной. Я все поняла и начала хитрить:

— С чего это вдруг? Разве танцовщица что-то понимает в бухгалтерии или когда-нибудь работала в этой сфере?

— Нет, она ничего не знает, но научится.

— А зачем тебе брать человека, который ничего не умеет и не понимает?

— Да, действительно, зачем она мне нужна? Мне она не нужна, — ответил муж и оставил эту тему.

Но через некоторое время он снова заговорил о трудоустройстве Нади.

— Представляешь, опять звонила, просила, умоляла.

Как ни странно, для Вадима это была веская причина. Он сам мог не поздравить меня с праздником, но ревностно следил за тем, чтобы все остальные непременно отметились.

Через некоторое время Вадим пришел на мой концерт, сидел, смотрел выступление. Я знала, где сидит муж и старалась, по возможности, обращаться в ту сторону. Все прошло прекрасно. Тем неожиданнее была реакция Вадима. Видимо, его что-то разозлило и он решил сорвать злобу на нас.

По окончании концерта муж пришел за кулисы и тут же начал нас отчитывать.

— Квадратноголовые тупицы! Паскуды! Охренившие рожи! — орал он в приступе

Казалось, скажи хоть слово в свою защиту, убьет, разорвет в клочья. Меня всегда удивляло, почему именно таким образом нужно отчитывать людей. Я понимала, что действительно не всегда все получается на сто процентов, но можно же все обсудить в нормальном, деловом режиме.

В тот вечер музыкальный продюсер Женя и пиар-менеджер Маша, наконец, не выдержали.

— Вадим, — стали они говорить вежливо, — поверь — концерт прошел очень хорошо.

От такой «наглости» муж замолчал на полуслове. А потом подошел к Маше, остановился в шаге от нее и медленно протянул руку к ее голове. Рука

остановилась в сантиметре от лица побледневшей девушки. И Вадим очень медленно и внятно произнес:

— Я возьму тебя за ухо, закрою за тобой дверь, а ухо останется у меня в руках.

Муж сказал это так, что все поверили: он это сделает. И делает прямо сейчас.

Я в ужасе кинулась между ними:

— Вадим, умоляю тебя! — я сама не понимала, что говорила. — Мы же собирались ехать ужинать. Ты хотел нас угостить каким-то своим любимым испанским вином.

И тут Вадим заорал:

— Я вот вас возьму сейчас за ноги и разорву пополам! Обенх!

Наверное, от нервного потрясения я на несколько секунд потеряла сознание, потому что следующее, что помню про этот чудовищный вечер: я сижу на стуле, Инна держит возле моего рта стакан с водой, зубы дробно стучат о стекло и вода стекает по лицу.

Те, кто близко сталкивался с Вадимом, не спрашивают меня, почему терпела десять лет и не ушла раньше. Так же, как и я, они знают: мне было что терять. Я верю, он мог убить или покалечить меня.

И как ни чудовищно это звучит, после такой сцены мы все поехали в ресторан. Настроение у Вадима улучшилось, он угощал изысканными блюдами, понл испанским вином, вкуса которого я от усталости и апатии не чувс-

твовала. И говорил, говорил и говорил. А все слушали, преданно смотрели ему в глаза и даже произносили в его честь тосты.

Когда в очередной раз разливали вино, оказалось, что кому-то не хватило. А пиар-менеджер Маша уже стояла с поднятым бокалом, собираясь нахваливать Вадима.

— Вина не хватило?! — муж побагровел.

К столу спешил официант с двумя бутылками вина на подносе. Вадим подскочил к нему и одну из бутылок разбил об пол. Со второй бутылкой он, как ни в чем не бывало, вернулся к столу и разлил вино по бокалам.

Мы продолжили ужинать, в то время как рядом с нами на полу подбирали осколки.

Когда весь этот кошмар, наконец, закончился и мы возвращались домой, Вадим высказал неудовольствие:

— Что же это такое, почему двое балетных не пошли в ресторан?

— Наверное, у них свои дела, проблемы.

— Ты что, хочешь сказать, что президент страны, приглашая на прием, должен у каждого интересоваться, сможет он прийти или нет? Конечно же, они придут к нему все равно.

Я не верила своим ушам. У мужа совсем поехала крыша, если он начал сравнивать себя с президентом. И тут я встретила в зеркале взгляд шофера. Ожидала насмешки, а он смотрел на меня с таким

сочувствием, что я чуть не заплакала.

Вадим продолжал свое:

— Ну, что ж, не пришли, значит, я их оштрафую. И так

оштрафую, что в следующий раз у них никаких других дел не будет.

Многие, конечно же, такой диктатуры не выдерживали,

бросали зарплату, работу и сбегали. Но кто-то все равно продолжал работать.

В нашей семье было всякое — недомолвки, избиения, унижения, но соблюдения внешних приличий никто не отменял. Я же каждый раз просила прощения, и спустя три часа у нас снова была любовь. При посторонних Вадим обнимал меня, говорил, какая я красивая, какая я у

Оксана зарыдала в голос. А я ведь ничего наверняка не знала, взяла ее, что называется, на пушку.

— Арабелла, прости меня, пожалуйста, очень прошу, я не виновата, — плакала она.

И я узнала...

Вадим сказал, чтобы Оксана осталась после репетиции в танцзале: он, мол, хочет посмотреть, чему она научилась. Оксана начала было что-то показывать, но он ее остановил:

— Открой! Ну же, открой немедленно!

Вечно сидеть в раздевалке Оксана не могла и вышла. Тут все и произошло.

..Я стояла прислонившись к стене и старалась не смотреть на Оксану. Давно подозревая Вадима в изменах, услышать о них вот так напрямую я была не готова. Видеть рядом женщину, которую он целовал, было нестерпимо больно.

Оксана его оттолкнула, убежала и закрылась в раздевалке. Вадим стал стучать в дверь: «Открой! Ну же, открой немедленно!»

него хорошая. Хвастался: «Мы с женой ни разу не поругались. Ни одного слова плохого я ей не говорил, и она мне плохого слова не говорила. У нас вообще полная идиллия. Она у меня понятливая».

Вскоре в коллектив пришла новая девочка, она очень хорошо ко мне относилась. Проработала полгода, и вдруг ее как подменили: не смотрит мне в глаза, прячется, не улыбается.

Как-то после репетиции я увидела, что она стоит за кулисами и плачет. Про своего мужа я уже все знала и не ошиблась, когда решила, что в слезах Оксаны виноват он.

Я подошла к ней:

— Оксана, ты, оказываешься, флиртуешь с Вадимом за моей спиной. Говоришь, что любишь меня, что тебе хорошо со мной работается, а сама делаешь подлости?

— Ты стала лучше работать, молодец. Я долго присматривался к тебе и понял, что ты мне очень нравишься.

— А как же ваша жена?

— Жена это жена, а ты мне нравишься.

— Я так не могу.

— Да ладно... Я для тебя все сделаю. Хочешь, куртку подарю, хочешь, косметику?.. Походи в магазин, выбери куртку, я оплачу.

Оксана ответила:

— Мне ничего не надо.

Тогда он говорит:

— Можно, я подойду поближе?

— Не надо, пожалуйста.

— Нет, давай подойду поближе, ты мне нравишься, я же тебе говорил, — и начал ее трогать, целовать в губы.

Оксана его оттолкнула, убежала и закрылась в раздевалке. Вадим стал стучать в дверь:

Чтобы не заплакать, я быстро спросила: «Вы встречались еще?» Опустив глаза, Оксана теребила край короткого платья, в котором репетировала, и переминалась с ноги на ногу, как школьница.

И тут я рискнула и посмотрела ей прямо в лицо: оно и сейчас было очень испуганное. Губы дрожали, глаза полны слез. И вся она, такая маленькая и худенькая, показала мне жалкой и несчастной. Девочке и было-то всего 19 лет.

— Нет, только тогда, всего один раз, — Оксана нервно запустила руки в волосы, и аккуратный пучок ее рассыпался. Теперь волосы закрывали почти все ее кукольное личико.

Я знала, что запугать человека до полуобморочного состояния мой муж может, поэтому постаралась успокоить Оксану.

— Не беспокойся, все будет хорошо.

И в этот момент у нее звонил мобильный...

— Наверное, это он!

— Ответь, — попросила я.

Мы с ней вдвоем приникли к трубке.

— Оксана, это я, — начал мой муж. — Я хотел тебе сказать, что раз ты действительно не хочешь, этого больше не будет. Просто я не привык, чтобы мне отказывали.

Она залепетала:

— Спасибо большое, спасибо большое.

— Работай, работаешь ты хорошо. Продолжай и дальше, все будет нормально. Я тебе

Потом похожая история произошла с еще одной девушкой из балета. Кате было всего 18 лет. Девушка сама пришла ко мне и обо всем рассказала. Сначала она поделилась с балетными, те посоветовали открыться мне.

Катя только начала работать, Вадим принял ее в коллектив, не посоветовавшись со мной. Он сказал:

— Классная девочка.

Раз классная, пусть танцует.

И вот однажды он тоже попросил ее задержаться после репетиции. Когда все ушли и она осталась в гримерке одна, он подошел к ней вплотную:

— Ладно, — сказал он, — трогать не буду, раздевайся и танцуй.

И она танцевала перед ним обнаженная, а он сидел на стуле и смотрел. Потом незаметно сунул ей в сумку двести долларов и отправил домой.

— Мне противно вспоминать. Как ты можешь жить с ним? — спросила Катя.

Я тоже не понимала, ради чего живу с этим человеком. Прав был отец: он же маньяк. Наверное, и с другими девушками у него что-то могло быть. Вадим нередко устраивал мне «сюрпризы». Например, едем мы отдыхать, и спустя несколько

Родственники замолчали. «Муж покаялся и поклялся исправиться. Чего тебе еще надо?» — спросил дядя. И я снова оказалась в капкане

больше звонить не буду. До свидания.

Не знаю, как передать словами, что я пережила, слушая, как мой муж объясняется с девушкой, которой домогался.

С Оксаной мы до сих пор общаемся. Я не виню ее, наверное, другая в подобной ситуации смогла бы дать отпор. У Оксаны не получилось. Я могла ей только посочувствовать.

Оказалось: я многое могу выдержать. И даже поняла — почему: я уже не любила его. А когда не любишь — становится все равно. Но мне было жаль тех людей, над которыми он издевался, и я пыталась им как-то помочь.

— Я очень сильно хочу тебя. Давай, иди ко мне...

И он схватил ее. Катя не ожидала такого напора:

— Как? Что вы делаете? Пустите меня!

Вадим не отпуская, и тогда Катя заявила:

— Я девственница.

Сначала он не поверил:

— Да ладно, что ты мне здесь рассказываешь сказки? Ты же сказала, что у тебя есть молодой человек?

— Да, но это не мешает мне быть девственницей.

— Не может быть...

— Я вам клянусь, — Катя начала плакать.

Вадим пришел в замешательство и отпустил ее.

дней к нам присоединяется какая-нибудь модель.

— Почему ты мне не сказал, что придет Валя?

— А это сюрприз! — объявлял муж.

Кому сюрприз? Себе, любимому?..

— Твой дядя звонил, — вырвала меня из воспоминаний тетя. — Он очень переживает, что ушел тогда. Если бы мы сразу что-то предприняли, ты бы сейчас здесь не лежала.

— Извините, конечно, — не выдержала Инна. — Мы тоже с девочками все время удивлялись — почему родные не вмешаются.

— Хотелось верить, что у меня все хорошо. Она ведь никогда не жаловалась.

И я вспомнила, как однажды все-таки позвонила дяде.

Мы поехали с гастрольями на мою родину. Не описать словами, что творилось на концерте. Послушать меня пришел, казалось, весь город. Я просто светилась от счастья. С каждой песней народу у сцены прибавлялось, людям хотелось подойти к Арабелле поближе. Началось столпотворение, грозившее перерасти в давку.

После очередного номера я забежала за кулисы переодеться. Следом зашел Вадим:

— Немедленно выйди на сцену и объяви людям, чтобы не напирали, а сели на свои места.

— Конечно, только переоденусь.

— Ты что, плохо слышишь? Немедленно! — загремел он.

— Там же есть конфетансье, пусть он сделает объявление, а я через минуту повторю, — предложила я.

Он ударил неожиданно и так сильно, что голова отско-

чила, как резиновый мячик. В глазах запрыгали кровавые точки.

— Живо на сцену! — заорал он.

— Только не реви, — шептала стилист Инна, — заревешь, все пропало.

Не знаю, как мне удалось сдержать слезы. В полной прострации я вышла на сцену, сделала объявление и допела концерт на автомате, как робот. «Все. На этом все между нами кончено, — крутилось рефреном в голове. — После концерта позову отца,

На горнолыжном курорте в Финляндии

бабушку и все им расскажу. Я уйду от него».

Но у Вадима было звериное чутье. Когда мы переоделись, он пришел за кулисы. За ним шли четыре человека с охапками роз. Каждому они давали цветы, а Вадим вручал пухлый белый конверт и подмигивал: «Премия!» Ко мне он подошел последней. Сам взял розы и осыпал ими меня с головы до ног:

— Ты прекрасна. И прекрасней тебя нет никого. Я горд и счастлив, что ты моя жена, — сказал он и надел мне

на шею сверкающее ожерелье. — Вот здесь, перед нашим коллективом прошу у тебя прощения. Это было в первый и последний раз.

Люди отводили глаза, зная, что он лжет. Я ничего не сказала папе и бабушке и сразу после концерта уехала с мужем в Москву. Жизнь меня жестоко наказала за то, что я изменила принятому решению.

Сразу после приезда мы сидели у нас дома и Вадим рассказывал администратору о свадьбе одной известной особы, на которой мы побы-

вали. В его словах сквозила зависть.

— Арабелла, — обратилась ко мне администратор, — а какое на невесте было платье?

— Красивое! Роскошное!

— Как будто у тебя не было красивого платья! — заворчал Вадим.

— У меня было очень красивое, но скромное платье, — ответила я, имея в виду никак не его цену, а стиль.

Муж тут же вышел из себя:

— Так у тебя была плохая свадьба и паршивое платье?!

С Филиппом Киркоровым на показе коллекции Валентина Юдашкина

— Не надо переименовывать мои слова. Я такого не говорила. Ты меня обидел.

Может быть, впервые я позволила себе обидеться на мужа.

— Ах, ты на меня обиделась?! Ну, так я покажу тебе, кто такой Вадим Максимович Берцоев.

Администратор, которая хорошо знала привычки моего мужа, засобиравшись и ушла. Проводив ее до двери, я вернулась в гостиную и тут же нарвалась на окрик мужа:

— Становись в угол. Повернись спиной, и чтобы я не видел твоего лица. И не двигайся, не облакачивайся о стену.

Администратору и спокойно отправился с ней ужинать. Оставшись одна, я взяла телефон, позвонила дяде и впервые за десять лет сказала, что больше так не могу. Никто из родных до того момента не знал, как мне жилось все эти годы.

Мы условились встретиться в кафе «Пальма». Я люблю это кафе, уютное и малолюдное. Белые крахмальные скатерти, тихая музыка, приветливые официантки, чудесный кофе. Едва я вошла сюда, настроение сразу улучшилось. Я ждала дядю и фантазировала, сочиняя истории про немногочисленных посетителей и официанток. Вот

которого не надо было гадать, я и так все про него знала. И главное, знала, что он меня любит и обязательно поможет. Но только мы начали разговор, зазвонил мобильный телефон.

— Ты где? — чутье снова не подвело Вадима.

— Заехала в кафе «Пальма».

— С кем ты?

— Одна.

Он недолюбливал дядю, как и всех моих родственников, и сразу бы догадался, что я прошу помощи.

— Сиди на месте, я сейчас приеду.

Дяде пришлось срочно уйти.

Если у тебя вдруг появится безумная мысль уйти от меня, знай, этого не будет. Из моего дома тебя вынесут только ногами вперед

Ну, как тебе, хорошо сейчас? Скромненькое платье у нее было, плохая свадьба!

Меня трясло от унижения и обиды. И тогда я узнала, что такое раздвоение личности. Одна Арабелла требовала: «Повернись к нему и скажи: скотина, сволочь, ты мне всю жизнь испортил!»

Но вторая Арабелла твердила: «Нет, ты должна достойно выйти из этой ситуации, ничем хорошим твой демарш не закончится, он может изуродовать тебя. Просто дай себе слово, что это будет последний раз в твоей жизни». Она победила.

Муж вышел из комнаты, приказав не двигаться. Как я потом узнала, он позвонил

этой симпатичной паре, думала я, недавно познакомилась. Но он влюбился сразу и без памяти, только никак не может признаться. И сегодня... Я прислушалась. «Дорогая, — сказал мужчина, — третья у нас точно будет девочка, и не надо никакого УЗИ». Я улыбнулась — плохая из меня гадалка. Ну, а моя официантка? У нее такое милое грустное лицо. Наверное, она одинока и влюблена, а он на нее не обращает внимания. Официантка заметила мой взгляд и подошла к столу. Ей очень хотелось получить автограф. Оказалось, вся ее семья любит мои песни. Опять я ошиблась. И тут появился дядя, про

Первым делом Вадим подошел к официантке:

— Она здесь одна сидела?

— Да, одна, — не моргнув глазом, ответила девушка.

— Ты врешь! — и повернувшись ко мне, произнес свою коронную фразу, означавшую неминуемую расправу:

— Дома разберемся.

«Нет, ты со мной разбираться не будешь, — подумала я. — Больше такого я не позволю».

Из «Пальмы» Вадим отправился на работу, а я приехала домой, собрала вещи — все, что смогла, забрала Сашу и уехала к сестре.

Вернувшись ночью домой, он увидел, что меня нет. Тут же позвонил на мой мобильный:

— Ты где?
— Все, Вадим, я ушла от тебя. Счастлива. Записку оставила на трюмо, в ней все сказано.

— Что? — заревел он. — Ты шутишь? Зачем ты это делаешь?

— Ты мне всю жизнь испортил. Прощай, я больше не хочу с тобой жить.

Он и умолял, и плакал, но даже в такой ситуации срысывался и начинал угрожать:

— Я не могу с тобой жить, — сказала я. — Ты много лет издевался надо мной, унижал, изменял.

В этот момент неожиданно открылась дверь и вошел мой отец: оказывается, сестра позвонила ему и попросила прилететь. Не передать, как счастлива я была увидеть отца. Мы обнялись, а потом я продолжила свой рассказ. Я объясняла какие-то подробности и видела ужас и отвращение на

никогда не выйду к людям. Утром я позвонила Вадиму и сказала, чтобы он не приезжал за мной.

— Я понимаю, что ты меня обманываешь.

— Нет, я говорю правду, — клялся он. — У меня сейчас душа разорвется на части.

— Не надо приезжать, я не поеду с тобой.

Он бросил трубку и через полчаса уже звонил в дверь. Мы снова говорили — час,

Вадим собрал все телефоны, с довольной ухмылкой повернулся, послал мне воздушный поцелуй и вышел. А дверь запер на ключ

— Почему ты так со мной разговариваешь?

— Ах, тебе не нравится, что я так с тобой разговариваю? — мне уже было все равно, я чувствовала себя в безопасности. — Ты всю жизнь так со мной разговариваешь, и даже гораздо хуже!

— Я тебя все равно найду. Ты моя! — с угрозой сказал Вадим.

— Все кончено. Ничего не изменится.

Я положила трубку.

На другой день Вадим приехал к моей сестре. Мы сели втроем вокруг стола, и я вспомнила теперь уже далекий день сватовства. Руки Вадима так же лежали на скатерти. Они были такие же холеные, крупные и красивые, но этими руками он столько раз меня бил, что никаких теплых чувств во мне не осталось.

лица отца и сестры. И вдруг мы услышали, что Вадим плачет. Это было так неожиданно. Он плакал и говорил, что все изменится, он станет другим, внимательным, любящим... Я не соглашалась. Он снова униженно просил.

И тут заплакала я.

Все решил мой отец.

— Если можешь — дай ему шанс. А если нет — хватит разговоров.

И я согласилась.

Потом всю ночь в доме сестры я не спала. Окна моей комнаты смотрели на парк, и там тревожно вскрикивала какая-то птица, как будто о чем-то меня предупреждая. Деревья глухо шумели листьями, а над ними страшным оранжевым светом горела полная луна. Было такое чувство, будто я не в городе, а где-то далеко-далеко в большом лесу. И если сойбьюсь с дороги, у же

два, три. Вызвали всех родственников, в их присутствии он пообещал, что с ним я буду счастлива, что он изменится. Я понимала: он никогда не простит мне этого публичного унижения. Наконец все родственники замолчали и посмотрели на меня.

— Муж покаялся и поклялся исправиться — чего тебе еще надо? — спросил дядя.

И я снова оказалась в капкане.

Два месяца он вел себя тихо, наблюдал за мной, присматривался. А потом сорвался.

Мы были в Симферополе. После него предстояли гастроли в Ялте и Алуште. Между концертами в Симферополе и Ялте один день оставался свободным. И тут какой-то знакомый, живущий довольно далеко от отеля, пригласил Вадима в гости на ужин. Я не хотела ехать, потому что

STOP

KUNSTUMINEN
LINGOOSKLADER
YOUTH CLOTHING

The Field Street City

устала и надеялась отоспаться. Для меня бесконечные перелеты и переезды превратились в каторгу и послать целый день было мечтой. А Вадим поедет с нами раз в месяц, и ему весело, хочется тусоваться. Поэтому он все решил по-своему.

ца получалась неимоверная. Естественно, сумма, по его словам, была со знаком минус. Но я лишь улыбалась про себя. Разве я не умею считать? К тому же этот человек никогда не будет делать бизнес, который не приносит дохода. И я сказала:

он срывается, то не соображает, что делает, действует словно не по своей воле.

Я лежала на полу в какой-то странной и очень неудобной позе — голова почти на плече. Он подошел, наклонился и вдруг заплакал надо мной, приговаривая:

Вадим стал прикладывать лед к моему разбитому лицу, и я увидела его глаза. Знаю, он понял тогда, что потерял меня навсегда

Мы сидели в номере, он встал, открыл шкаф и кинул к моим ногам платье.

— Поехали!

Я не шевельнулась.

— Я не могу опять трястись в машине. Если хочешь, поезжай, а я останусь.

— Что ты раскомандовалась? — тут же заорал он. — Я здесь буду решать, что и как делать! Я продюсер, и все принадлежит мне.

На фоне ярко освещенного окна я видела только его черный силуэт. И может быть, поэтому не очень боялась. Я все чаще задумывалась над тем, как жить дальше. И понимала, что если ничего не предприму, он выжмет из меня все соки и выставит вон, — именно так он поступил со своей первой женой. Я не заслужила такого. Отдала ему свою красоту, молодость, любовь. И что взамен? Последнее время он приносил какие-то сметы, показывал, сколько он расходует на Арабеллу и сколько с этого бизнеса имеет. Разни-

— Арабелла принадлежит как тебе, так и мне. У меня тоже есть права. Это наше общее дело.

И тут Вадим подбежал ко мне, наклонился и прямо в лицо стал выкрикивать ужасные матерные слова. Но я и тогда еще не испугалась. Меня охватило какое-то безразличие, может быть, была слишком усталая. Мне было уже все равно. Посмотрела ему в глаза и произнесла:

— Прекрати на меня кричать.

Он бил меня долго и страшно. Я была вся в крови, теряла сознание.

— Я тебе покажу! Кинуть меня захотела?!

Помню, сначала мы были в одной комнате нашего люкса, потом я очнулась на полу в другой. Придя в себя, стала шептать разбитыми губами:

— Вадик, прости меня. Прости.

Надо было остановить его, пока он не убил меня. Когда молнишь о прощении, разум его начинает работать. Если

— Вот что ты сделала...

Потом он поднял меня и кинул в ванную:

— Умойся.

Пока я смывала кровь, Вадим позвонил своей секретарше в Москву, было слышно, как он сказал, чтобы она к его приезду подготовила какие-то документы.

Пошатываясь, я вышла из ванной и встала в дверях, прислонившись к стене. Вадим оторвался от телефона и посмотрел на меня:

— Что это с тобой?

И мне показалось, что он в первый раз испугался того, что сделал.

Вадим стал прикладывать лед к моему разбитому лицу. Я полулежала в кресле, а он ходил кругами и все беспокоился, будут ли отеки. В тот момент я увидела его глаза. Знаю, он понял тогда, что потерял меня навсегда.

На следующий день я положила толстый слой грима, надела темные очки, поехала и отработала концерт. Ничего не понимала: ни что со мной

делают, ни куда ведут, не поминла, как и что пела.

По-видимому, у меня было сотрясение мозга, но обращаясь к врачу муж запретил. Он сам проконсультировался со специалистом и купил все необходимые лекарства. А потом вернулся в Москву.

Через несколько дней, наконец, гастролы закончились.

Перед возвращением домой я, предвидя, как все может обернуться, позвонила тете и предупредила:

— Имей в виду, если я позвоню и не смогу разговаривать, значит, со мной беда. Приезжай и спасай.

В Москве Вадим ждал с кучей охранников. Впервые в жизни он меня встречал в аэропорту. Видимо, боялся, что сбегу. Я бы сбежала прямо из Симферополя. Но разве я могла оставить ребенка?

Мы приехали в московскую квартиру. Соскучившийся сын кинулся мне на шею:

— Как тебя долго не было!

— Иди, сынок, — неожиданно ласково сказал Вадим, — поиграй у себя. Мама отдохнет с дороги и придет к тебе.

Саня ушел в детскую, а я прошла в спальню.

— Отдыхай. Не буду тебя тревожить. Только кое-какие бумажки подними, накопились за это время.

Достал из чемоданчика документы и положил передо мной:

— Вот.

— Что это?

— Счета за коммунальные услуги, прочая ерунда. Подписывай.

— Сейчас я не в состоянии ничего подписывать. Потом посмотрю.

— Подписывай! — он начал злиться.

— Нет, не буду.

— Подпишешь как миленькая!!!

Вадим схватил меня за шиворот, стащил с кровати и начал бить по голове.

— Хорошо, хорошо, подпишу, только не трогай меня, — закричала я.

Сверху действительно лежали какие-то счета на мел-

кие суммы. Когда я ставила свою подпись на последних бумагах, поняла, что передаю ему все свое имущество и песни. Он ограбил меня, но мне почему-то вдруг ста-

ло смешно. Человек — богатый, умный — больше дорожит материальным, а не человеческой жизнью, женой, семьей. Хотя никогда в жизни я не была для него

женой. Никогда. Я была для него игрушкой. Возможно, любимой...

Вадим собрал все телефоны, даже городской выдернул из розетки, с довольной ухмылкой повернулся, послал мне воздушный поцелуй и вышел. А дверь запер на ключ.

В сумочке я нашла еще один телефон и отправила эсэмэску тете. Благодаря этой эсэмэске ей удалось вызвать милицию. Если бы ее слова не были подтверждены текстом в мобильном телефоне, оперативники не имели бы права проникнуть в чужую квартиру.

Когда Вадим снова вошел в спальню, я сидела в ванной. Похоже, не найдя меня на кровати, он запаниковал. В ванную вбежал с побледневшим, перекошенным лицом:

— Я думаю: куда ты делась?

— Куда я могу от тебя деться? — горько усмехнулась я.

Похоже, он был так доволен тем, что я подписала бумаги, что успокоился и расслабился. И я не стала его больше раздражать и говорить, что все знаю:

— Сейчас выйду. Как только найду очки и приведу себя в порядок.

Он ушел и дверь больше не запирали. А я схватила сумку, побросала туда одежду, косметичку. Потом пошла за Сашей. Он был, как обычно

С Аллой Пугачевой на концерте «100% любви»

дома, в тапочках. Я ему осторожно, заговорщицким тоном говорю:

— Тебе надо пойти надеть кроссовки.

— А зачем?

— Мы сейчас будем с тобой бегать.

Саша пошел переобуваться. А я заходила в спальню, залезла в шкаф, чтобы Вадим меня случайно не услышал, звонила тете и спрашивала:

— Где вы?

В этой теплой уютной темноте шкафа, так похожей на южные ночи моего детства, я молила ее приехать скорее и забрать меня. Я чувствовала

— Саша, если мама скажет: быстро иди сюда и будь рядом со мной, — ты через секунду должен быть рядом. Ты понял меня?

— Да, — тоже шепотом ответил сын.

Наконец в квартиру позвонили. Я схватила сумку, Сашу и ринулась открывать дверь. Тетя тут же увела сына в машину.

Словно почувствовав неладное, выбежал Вадим:

— Что здесь происходит?!

Я сказала, стараясь, чтобы голос не очень дрожал:

— Ничего не происходит. Я ухожу. Смотри, что ты со

адвокату и поехала к нему в офис. Но едва переступив порог его кабинета, потеряла сознание.

Теперь я вспомнила все. Но это не конец истории. Напрасно я весь день путалась стука в дверь. Он вошел без стука.

— Ты что? Хочешь посадить меня в тюрьму? — начал Вадим с порога.

Инна и тетя встали возле моей кровати, как часовые, готовые ко всему.

— Нет, — ответила я. — Просто хочу, чтобы ты знал, что в жизни есть справедливость и есть Бог на свете.

Когда я ставила подпись на бумагах, поняла, что передаю ему все свое имущество и песни. Он ограбил меня, но мне вдруг стало смешно

ла себя маленькой девочкой, потерявшей и мечтающей о возвращении домой.

Почти шесть часов длилось ожидание. Тетя писала заявление, вызывала наряд милиции. Потом они ехали. Все это время мне казалось, что я даже не дышу. Саша то и дело подходил ко мне:

— Когда же мы пойдем бегать?

Я старалась его отвлечь:

— Сейчас мы посмотрим «Властелина колец», затем что-нибудь перекусим, а потом уже отправимся на прогулку, хорошо?

Мы сидели и смотрели фильм. Чувствуя, что милиция вот-вот подъедет, я наклонилась к сыну:

мною сделал, больше этого терпеть не буду и не хочу.

— Да, сделал, и что? — ответил он, не боясь даже присутствия милиции.

— Ты никуда не пойдешь, ты моя жена! — заорал Вадим, преградив мне дорогу. Но вокруг стояли миллионеры, и на большее он не решился. Я обошла его, как столб, и села в лифт, потом в машину.

Я не испытывала никакой радости, смотрела в окно на пробегающие мимо дома, держала тетю и Сашу за руки и ничего не чувствовала.

У тети я оставила вещи и поехала в больницу зафиксировать побой.

Получив на руки медицинское заключение, позвонила

— Я тебе пока еще муж.

— Нет, ты мне больше не муж. Ты мне не враг и не друг. Ты мне никто.

— Зря ты так выступаешь.

Вадим уже что-то решил и теперь хотел нанести последний удар:

— Это ты — никто. Все твои песни и имущество у меня. Сама подписала. А я уже нашел другую девочку — Александру. Теперь она будет звездой. А про тебя все быстро забудут.

И он ушел, хлопнув дверью. А мне было все равно, я наслаждалась покоем.

Через какое-то время в газетах написали, что ссора с мужем вызвана моей изме-

ной. Господи, еще и это! Измены, романы...

Но так ему, видимо, проще объяснить, почему он сотворил со мной такое. Вадим убежден, что неверность жены оправдывает насилие мужа над ней. Да если бы я на самом деле ему изменила, он из гордости ни за что бы никому об этом не сказал. Я до сих пор не знаю, смогу ли впустить хотя бы одного мужчину в свою жизнь после всего, что со мной случилось.

В момент слабости, когда я готова была от отчаяния и

Заявление о возбуждении уголовного дела по факту побоев, так это звучит на юридическом языке, я забрала. Никогда не хотела причинить ему вред, просто это была единственная мера в моей безвыходной ситуации. Мои адвокаты вернули мне все песни, ведь муж отобрал их насильно. Теперь у меня много песен — старых и новых.

Делить имущество я не стала, почти все досталось ему. Для меня это значило снять с себя все грязное и переодеть-

вижу лица, улыбки всех, кто слушает меня. После каждой песни аплодисменты не затихают по нескольку минут, а в финале гремят так, что, кажется, обвалится потолок. Пою на бис «Я все равно верю в любовь», а зрители несут и несут цветы. Разноцветные огни финала, сбегая со сцены, раскрашивают подошедших людей в яркие цвета, превращая концерт в сказочный карнавал.

Счастливая, я подхожу к краю сцены, наклоняюсь и беру букеты. Вот уже мои руки

Отовсюду звучат поздравления. Вдруг темная мужская фигура выступает из глубины кулис. Пол уходит у меня из-под ног, и я бегу прочь...

бессилия расплакаться, зазвонил мобильный. Это был знаменитый композитор, который отказался когда-то вести с Вадимом дела:

— Сейчас готовится праздничная программа на телевидении, — перешел он сразу к делу. — А у меня есть две новые песни. Я хочу, чтобы их спели вы. Когда мы можем встретиться?

— Сейчас! — засмеялась я сквозь слезы.

Когда я входила в зал суда, увидела Вадима в окружении адвокатов и друзей.

— Здравствуйте, — сказала я. Вадим еле кивнул в ответ. Лицо у него было белое от злобы. А глаза... если бы взглядом можно было сжечь, от меня осталась бы горстка пепла.

ся в новое. У Арабеллы теперь другая жизнь, у него — другая. Я уверена, мы совершенно разные люди с разными ценностями.

И вот я снова на сцене! Но как все переменялось! Казалось бы, столько концертов за спиной. Но прежде это был экзамен, который мне каждый раз нужно было сдавать одному-единственному экзаменатору. Впервые я пою просто для удовольствия и радости. Это чувствуют все на сцене и тоже зажигаются эмоциями. Нашу внутреннюю свободу и легкость ощущают зрители: я пою что хочу, улыбаюсь кому хочу и двигаюсь как хочу! «Браво, Арабелла!» — кричат мне. Никогда еще зал так не принимал меня, я отчетливо

переполнены, и цветы просто кладут к моим ногам. После бесконечных поклонов я, наконец, ухожу за кулисы. Здесь мне тоже улыбаются знакомые и вовсе не знакомые лица. Со всех сторон звучат поздравления. Я просто лечу по проходу.

И вдруг темная мужская фигура выступает из глубины кулис. От волнения и подступившего к горлу страха я не могу разобрать, кто это, отступаю, пол уходит из-под ног. Пропадают все звуки, радостный шум зала сменяется ватной тишиной. Прежний ужас охватывает меня, и роняя цветы, я бегу прочь...

Это полностью авторское произведение. Все персонажи, имена, время и место действия вымышлены, любые совпадения — случайны и непреднамеренны.